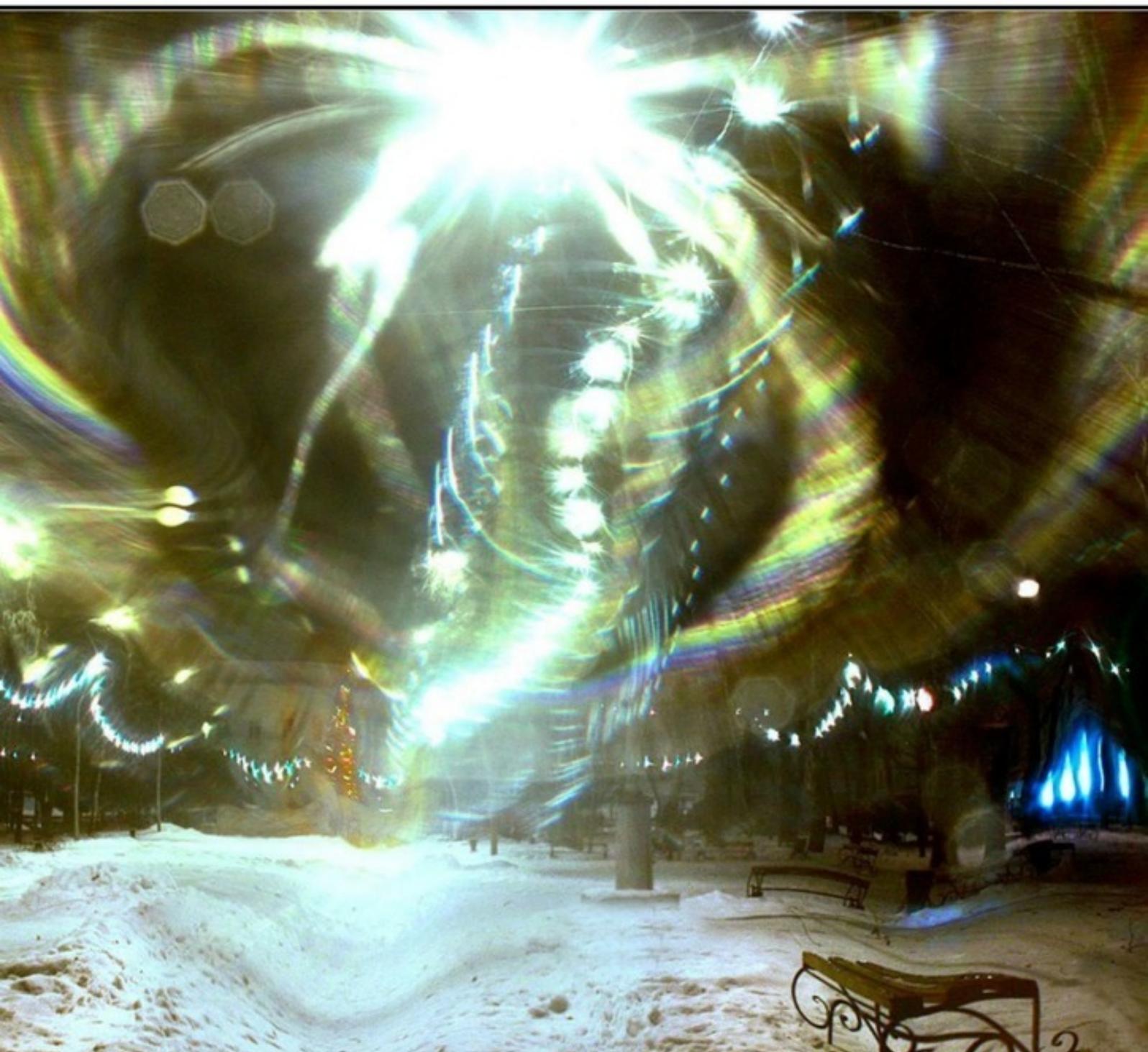

Татьяна Свичкаръ

Инга и Барон

Татьяна Свичкаръ

Инга и Барон

«Издательские решения»

Свичкарь Т.

Инга и Барон / Т. Свичкарь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965086-3

В книге три повести. «Инга и Барон» — от безответной любви к талантливому гитаристу Ингу спасают... собаки, а пёс Барон из приюта для бездомных животных становится ее самым верным другом. «Хватит плакать» и «Семь пар железных башмаков» рассказывают о непростом пути обретения себя.

ISBN 978-5-44-965086-3

© Свичкарь Т.
© Издательские решения

Содержание

Инга и Барон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Инга и Барон

Татьяна Свичкарь

© Татьяна Свичкарь, 2019

ISBN 978-5-4496-5086-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Инга и Барон

Если бы судьба решила выполнить любое мое желание, я бы заказала кругосветное путешествие. Круз. Не торопясь, по морям – океанам, на корабле, огромном, как город. Сейчас такие корабли есть – «Титаник» отдыхает. Я не о том, что на них особенно комфортно утонешь. Но их едва ли обойдешь за всё плавание. Найдешь ли за все сто дней кругосветки время, чтобы заглянуть в каждый уголок?

А ночами можно полулежать в шезлонге на палубе. И, замирая от восторга смотреть, как медленно меняется над тобой небо. Если в начале плавания над головой колышется и переливается во всю ширь небесную зелёно-малиновый занавес Северного сияния, то пройдёт время – и загорятся, вспыхнут впереди путеводными огнями четыре звезды – Южный Крест.

И чтобы непременно были стоянки не только в больших портовых городах, но и на каких-нибудь островах. И меня понесло в сторону от всех пассажиров. Я бы шла, и всё вокруг было как на картинке. На такой банальной картинке, которую хочется рассматривать зимними вечерами. Впереди – белая полоска песка, справа – метёлки пальм на мохнатых стволах, слева – синие океанские волны. И никого. Идёшь себе по песку, всей одежды – полоска шёлка, обмотанная вокруг тела. Она нежная, как ласковое прикосновение. И ветер такой же ласковый и тёплый. Волны шумят, и отзвуком их шумит большая перламутровая раковина, которую я приложила к уху.

И никого вокруг, как в первый день творения. Обогнул Земной шар, голубую бусину, висящую во Вселенной – обвёл пальцем, и уже не напрасно прожил жизнь. Ты видел красоту. Так Маленький Принц знал свою планету.

Это Большое желание. Есть у меня и Малое. Кому-то покажется – противоположное. Ан нет: их объединяют тишина и возможность любования.

Хочу домик, такую избушку в глухомани. Окна в наличниках тонкой резьбы, чьего-то труда, любовного и кропотливого. Заросли сирени, фиолетовые по весне... А за домиком убегают в глушь едва приметная тропинка. И я знаю, что, если идти по ней – обретёшь сокровище: выйдешь к озеру. Вода в нём цвета янтаря, а на дне лежит разлапистая коряга – чистый Водяной. И тишина...

В уши снова врзается звук электрической дрели. Обалдел этот дядька, что ли? Девятый час вечера, неужели он ещё долго будет мучить наш старый дом?

Когда-то его строили немецкие военнопленные. Заключенных, немецких и советских, было так много, что, как рассказывала бабушка, весь наш посёлок тогда казался одной большой зоной за колючей проволокой.

Немцы строили дома со всей добросовестностью. Кто-то из них отверг возможность халтуры фразой, которая запомнилась: «Я и домой должен вернуться немцем». Не позволить себе работать, спустя рукава, сохранить дух!

И стояли дома эти семь десятилетий почти, и ещё столько же простояли бы. В каждом жило по две, три, а то и четыре семьи. Но стали скупать их богатые люди, и перестраивать под себя. Ладно бы – весь дом, а то купят половину, и пытаются сделать из неё дворец. Кто второй этаж возводит, кто купола мастерит, а из окон делает арки. И все непременно обносят свои владения глухими заборами: заслоняются от мира и от соседей.

Раньше, как вспоминала бабушка, у заборов стояли лавочки, и соседки под вечер собирались то на одной лавочке, то на другой. Да ещё табуретки выносили, не хватало места всем усесться. Все домашние дела свои и родственников своих до седьмого колена обсудят, а потом рассматривают и обсуждают прохожих. Жизнь была на виду, как бельё, полощущееся на веревках.

И дети казались общими, родными. Отец вспоминал: любая соседка, идя с работы, несла в авоське чёрный хлеб. И непременно отрежет дома несколько кусков, посыплет солью, вынесет:

– Ешьте, ребята....

Горячий чёрный хлеб с поджаристой корочкой. Никогда ничего вкуснее...

Дом наш задержался в числе последних, нетронутых. Но вот и его половину купили. Новых соседей я зову «сворные» – они приезжают всегда сворой, на трёх-четырёх машинах. Дети бегают по саду и визжат, молодежь жарит шашлыки, старая сворная – тётка лет шестидесяти в розовом физкультурном костюме, подняв вверх необъятную попу, трудится на грядках.

Сворные наслаждаются новым домом и возможностью отдохнуть на природе, не замечая никого вокруг. Впервые на нашей тихой улице с утра до ночи самозабвенно гремит музыка. И осенью мы облегчённо вздыхаем: сворные уезжают в какие-то свои места постоянного пребывания, а на смену им приходит дядька, который будет делать в доме евроремонт. Рано вздохнули! Дрель ещё не самое страшное. Порой дядька грохочет так, будто разбирает дом по частям. Родителей целый день нет дома, а я со страхом думаю – не окажусь ли через пять минут на обломках? Но немцы всё-таки добросовестный народ, дома пока держится.

Остаётся только мечтать о безлюдных тропических островах или об избушке в лесу. И тишине.

За окном дождь вот-вот перейдет в снег – ноябрь в середине. Я сижу на диване с кружкой чая, грею руки о горячий фарфор, и подумываю, что надо всё-таки не лениться, а встать, и затопить печь. Это наследство тех же немцев – печь голландка. Когда всем провели отопление, папа с мамой решили её не разбирать, и в межсезонье она нас здорово выручает. Даже мы, дети, с малых лет выучились обращаться с дровами. Я люблю, когда угли уже гаснут, смотреть на рдеющие блики. Огоньки во тьме. Мне кажется, так должны видеть наши города ангелы, если смотрят на нас сверху, со своих ангельских высот.

Дрова лежат у печки – папа вчера принес. За ними не надо идти во двор – под снежный дождь, дрова высохли уже и вспыхнут тотчас. И голландка наша, окрашенная серебристой краской, медленно начнёт разогреваться, пока не станет какой-то малиновой и прозрачной от жара. Я люблю всё это, но медлю отставить чай, выбраться из-под пледа. Пожалуй, этак дождусь, что папа сам растопит печь. Вот закончит с пирогами....Он умеет всё, мой папа, и сейчас я знаю по слобным запахам – он затеял пироги с капустой. Аромат – на весь дом, и, наверное, даже прохожие на улице поведут носами, жалея, что их не пригласят на такой вкусный ужин.

Когда-то у нас, как и в каждой нормальной семье, готовила мама. Другое дело, что мама экспериментатор и пофигист. Ей было скучно каждый раз стряпать по одним и тем же рецептам. И она всё норовила попробовать что-нибудь новенькое. Помню маму, задумчиво стоящую над пловом, куда она вывалила банку консервированных ананасов:

– Ведь, правда, в этом есть что-то восточное?

– Людочка, я не знаю, что ты имеешь в виду под Востоком... – папа смотрел на неё со всегдашней нежностью, но и с грустью – он остался голодным, – Но даже, когда я служил в Афгане, у нас такое бы (папа подбирает слово помягче) ...не кушали.

– А повара бы пристрелили, – озвучивает невысказанное мой младший брат Васька.

Мама машет рукой – готовьте сами. И с наслаждением возвращается к своей работе, о которой я ещё расскажу.

Папа мечтал о пирогах. Но мама отчего-то всегда была с мукой не в ладу. Вот не дружила, и всё. Я позже не раз убеждалась, часто так бывает: у человека талант к чему-то определённом, а остальное – хоть ты тресни. Не идёт. У меня, например, в огороде капуста растёт как песня, а остальная рассада тихо чахнет. «Рассосались» – развожу я руками, когда папа спрашивает, куда девались помидоры.

Но у нас в семье никто никого не переделывает. И, папа взялся застряпню сам. Процесс обучения был коротким. Не дольше, чем неделю у него что-то подгорало, или «убегало». А потом – всё. Пригляделся, приноровился, и дело пошло на лад. К кастрюлям и сковородкам папа относился не менее ответственно, чем к своим вертолётам.

Папа сейчас, такой, каким я его знаю – высокий, широкоплечий. Мама говорит «квадратный как шкаф». И совершенно седой. У него усталое, немного оплывшее лицо. Наверное, люди, которые всё принимают близко к сердцу, никогда не выглядят моложе своих лет. Но глаза у папы такие ясные, голубые и добрые, как его небо.

У меня висит над столом фотография, где папа в шлеме выглядывает в открытую дверь вертолёт, и смеётся. Вот там он совсем мальчишка – худенький, светлые волосы выбиваются из-под шлема. Это он только прилетел в Афган. А вернулся оттуда уже седым.

Родители поженились, когда маме только исполнилось восемнадцать лет. Папа тогда окончил вертолётное училище, его вот-вот должны были послать... Мама ещё не знала – куда, он говорил: «На задание, и, возможно, надолго».

У мамы ожидалась совсем другая судьба. Она такая маленькая, хрупкая неприспособленная к жизни. Если сейчас такая, представляю, какой она была восемнадцатилетней...

Вся насквозь пропитана литературой, как губка водой. Девочка с книжкой под мышкой. Ждал её филологический факультет, и долгая студенческая беззаботная юность. Но судьба посмеялась, сказала: «Фигу! Будет тебе другое счастье!»

В тот день мама – её надо Людой называть, она ещё не была ничьей мамой – сидела у подъезда и не могла попасть домой. У неё начинался грипп, она училась в школе, в выпускном классе, и её отпустили с уроков. От высокой температуры Люда уплывала в забытие, и так хотелось ей рухнуть в постель, съёжиться, натянуть одеяло на голову... Но она забыла ключ. Сидела на лавочке у подъезда, нахохлившись, сунув руки в карманы пальто, и закрыв глаза. Соседки, которая могла бы пустить к себе, тоже не было дома. Оставалось ждать родителей.

Но мимо проходил Женя, возвращавшийся в училище. Папа всегда всё замечал, и до сих пор замечает. Он подошел к девушке, и очень мягко, чтобы не напугать, тронул её за плечо:

– Что случилось?

Через несколько минут он уже лез в форточку – квартира была на первом этаже. И старушки из соседнего подъезда ахали – не зная, можно ли считать парня в военной форме – вором домушником. А он открыл дверь, и потом ещё под локоть проводил покачивающуюся от слабости Люду до постели.

Сотовых телефонов в ту пору не водилось, и Женя всю неделю не находил места – всё ли в порядке с этой девочкой, такой маленькой, ниже плеча ему... У неё были такие горячие пальчики...

В следующую субботу он примчался по знакомому адресу с целым снопом мимозы. Это было советское время, и в городе продавали только гвоздики – цветы коммунистов, и мимозу. Папа купил её – охапку.

С тех пор это мамины любимые цветы.

– Ты не понимаешь – это счастье, – говорила она мне, – Я тепличных – ни цветов, ни огурцов – вообще не признаю, у них даже запаха живой зелени нет. А тут знаешь, что это уже вправду цветёт. У нас – сугробы по грудь, а где-то уже стоит мимоза в цвету... Эти шарики жёлтые, они пахнут «как пылинки дальних стран».

Люда сидела, еще слабая после гриппа – вся в мимозе. Тонула в весне. А замуж выходила – вся в сирени. Родители ходили онемевшие: свадьба раньше, чем выпускной бал. Чтобы не онемели знакомые – и весь маленький город, свадьбу сделали втихую. Парадная форма – на женихе, шёлковое платье – на невесте, и белой сирени столько, что у Люды не хватало рук её держать.

А дальше... Военный не знает, где ему предстоит служить. Куда Родина пошлёт. Папу она послала сперва в Белоруссию, потом в Польшу, а затем на Дальний Восток. Оттуда в Афганистан... Правда, лётчики не произносили так пафосно – в Афган. Говорили: «За речку сходил. За Сырдарью».

– Ты был добровольцем? – спросила я недавно отца.

Всё-таки война. И в памяти песня... Когда собирались друзья отца, они много пели. И Алёша Литошин, которого я из папиных друзей любила больше всех, пел про комсомольцев-добровольцев. Это было сурово и красиво.

Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе непокой,
Мы сурового времени дети...

Папа посмотрел на меня из-под очков:

– Ну что ты, как маленькая... Анекдот знаешь? Поспорили, кто быстрее накормит кошку горчицей. Американец хватает кису и запикивает горчицу ей в пасть. Англичанин кладёт горчицу между двумя кусками колбасы, и кошка съедает. Русский мажет горчицей кошке под хвостом, и та с воем вылизывает. «Обратите внимание, – говорит русский, – добровольно и с песней».

На офицерском самолюбии в Афган шли. Я перед тем порезал палец, сухожилие. А это для лётчиков очень серьёзно. Руками надо действовать быстро. С покалеченными пальцами списывают только так. Но что своим скажешь: «Мужики, я порезался и не могу лететь в Афган?» Они ответят: «А нам за тебя трубить?» Объяснил хирургам, повозились они со мной, склеили...

Ну, Алёша Литошин – санинструктор. Это я ещё как-то себе представляю. Добрый, круглолицый Алёша в очках, до армии и после – учитель физкультуры. Идёт рота в горы, на большую высоту. Чем выше – тем лучше, пули не достанут. Из последних сил идут бойцы. И тут снизу кричат по цепочке: «Санинструктора-а-а». Это значит – кому-то совсем плохо. И Алёша с тех метров, которые с таким трудом преодолел, спешит вниз. А чем он поможет?

– Укол кордиамин вколешь, пару пощёчин дашь: «Всем трудно, вперёд!» И снова вверх...

Но папа, которого я всегда знала только берегущим, только защищающим – нас с мамой, своих больных – он ведаёт в городской больнице гражданской обороной, папу за штурвалом вертолёта, уничтожающим караваны с оружием, я представить не могла.

– А караван – это не только верблюды, – говорил папа, – Это больше сотни погонщиков, и у каждого автомат на плече. И человек триста вооружённой охраны, профессиональных вояк.

– А вас сколько?

– А у нас четыре вертолёт, на двух десантура, остальные – боевое охранение. На них по два человека – командир и оператор. Бортовых техников оставляли на земле – чтобы лишних потерь не было. Лётчики «двадцать четвёрок» были против, возмущались: «Ну как?! Идёшь по ущелью, тебя в борт расстреливают. Так хоть в открытую дверь – бортовой из пулемёта шмальнёт, а без него...»

Моего бортового убили за несколько дней до возвращения на родину. У него друг был, меж собой мы его звали Рэмбо. Встречаются такие чудики – по одному на несколько сотен. Ему бы говорить о войне, о победах, качаться, лицо намазать, как в кино... Мы ему твердим: «Чего разукрасился? Пойди, умойся...». А он гордо: «Я ж на боевые иду...» «Так ты ж не артист, и не спецназёр, тебе в атаку не подыматься. Твое дело – из пулеметов стрелять». Но видно, это заразно. И мой бортовой тоже, по его примеру, схватил автомат и выскочил из вертолёт со спецназом. Ну и получил две пули в голову...

Я люблю, когда они собираются у нас. Летом, в саду... Папа, Литошин, дядя Митя Евграфов, который теперь работает на лодочной станции. Он никогда ничего не рассказывает про войну, очень редко улыбается. Все зубы у него железные. Но он умеет всё на свете, и именно он возится с мангалом, если жарят шашлыки, и с казаном, если варят плов. Маленькая, я просто любила подставлять голову ему под руку, чтобы он потрепал меня по волосам. У него такая шершавая тёплая рука. Добрая такая...

И я терпеть не могу бывшего политрука Сидорова, Игоря Ивановича. Он больше других выглядит военным. Маленький, сухощавый, и такой весь подтянутый... Усики... В чём бы он не пришел, кажется, что и сейчас в форме.

Он рассказывал, как его солдат из любопытства – как это расстреливать человека? – в кишлаке расстрелял из автомата дедушку.

– И что с ним сделали? – спросила я, не сомневаясь в ответе. Судили и...

Сидоров слегка дернул плечами:

– Ну что... Обстановка ведь военная. Пожурили. Не надо расстреливать дедушек. Нехорошо.

С тех пор мне кажется, что он приходит к нам, как та злая фея в сказке о Спящей красавице. И душа у Игоря Ивановича Сидорова – черным черна.

Пока папа служил, мама его ждала. Ждала в самом натуральном смысле, она только этим и жила. На руках у неё был маленький Гришка, а все мысли – с папой. И часто сидела она ночью на постели с колотящимся сердцем, потому что ей казалось – именно сейчас, в эту минуту, над папой нависла смертельная опасность.

Чтобы скрасить бесконечно долгий день, мама брала маленького Гришку и уходила с ним, куда глаза глядят.

Скоро она поняла, что ей тошно сидеть где-нибудь в парке, среди беспечно щебечущих молодых мам, и их отпрысков. Гришка ещё толком не умел говорить. Но у него были папины голубые глаза. И даже молчать он умел – и до сих пор умеет – так, будто всё понимает.

Они с мамой садились в автобус, доезжали до конечной остановки и отправлялись далеко-далеко. Сперва мимо дач, а потом начинался Холодный Овраг. Хотя это и не овраг, со стороны глядя, а долина, летом вся фиолетовая от цветущего шалфея. Издали посмотришь – волшебный цвет. Как на другой планете. Можно было сидеть в том море нагретого солнцем шалфея, или свернуть куда-нибудь в сторону, подняться на одну из близлежащих гор – они низкие и пологие – и идти, пока не устанешь. А потом спуститься на совсем уже безлюдный берег Волги: сюда даже рыбаки не пристают.

Это было самой большой радостью для обоих: приземлиться в облюбованном уголке. Мама доставала из походной холщовой сумки бутерброды с колбасой и бутылку молока.

Я бы, наверное, молчала и «слушала тишину» – по папиному выражению. Там ведь такая тишина, какой не бывает в городе. Она может показаться абсолютной, если тонешь в собственных мыслях. А если прислушаешься к ней самой – она пронизана пением птиц и шелестом листвы.

Но маме хотелось говорить! И она обрушивала на льняную Гришкину голову – всё своё детство! Водопадом историй, мини-спектаклей. Книжки, которые она читала, фильмы, которые видела, случаи, что запомнились. А нужно знать маму: о чём бы она ни рассказывала, будешь слушать, открыв рот. И выплескивалась в рассказах этих её тоска по дальним странствиям, мне от неё в наследство доставшаяся:

– Ты не представляешь, как я куда-то хотела! Рвалась! Я подруг просила, кто ехал на море. Девочки, привезите мне камушек, который лежал в воде. Чтобы на нём были разводы волн... Каждую весну ветер такой! Он странствиями пахнет! Океаном! Влажный... вольный... он тебя как будто гладит по лицу. Закроешь глаза и всё видишь. Бухту, где яхты качаются на волнах – и волны такие сильные, подбрасывают их – как игрушки. И синева... Солнечные

блики, играющие на этой синеве... голубизне... Каждый блик, сияет... Переливается... Так пахнет водорослями... Глубиной...

А ещё дальше, за морем – острова, и жаркие страны, где мне никогда не быть! Там пахнет пряностями – здесь таких запахов нет! Там цветы – огромные, белые – здесь нет таких цветов... Они будто лепные, они из сказки... Идёшь, и они ночью, в темноте – светятся... И море с тобой разговаривает... шорохом... шёпотом... И тебе не нужен круглый год ничего... кроме платья и туфель... Никаких шуб, никаких колготок... Тебе всегда тепло...

Мама мечтала, когда папа вернётся – они будут такие счастливые! Возьмутся за руки, и поедут открывать мир.

Но впереди было ещё много трудных лет. Кризисы, сотрясавшие страну, безденежье, маленькие дети...

Но папа вернулся, и кончились съёмные квартиры. Семья поселилась в нашем теперешнем, бабушкой завещанном доме. Родилась я, потом Васька. Ему сейчас восемь лет, такой «мужичок с ноготок», самый обстоятельный и серьёзный из всей нашей семьи. И столько уже умеет! В отличие от меня – руки у него «вставлены тем концом», и Ваську я прошу вколотить нужный гвоздь, или поставить на место не закрывающийся ящик стола, если папы нет дома.

Он так же похож на пастушка, как Гришка в детстве. Та же льняная башка, и голубые глаза. А у меня длинные белокурые косы. Это нам единственное наследство от мамы. Больше от её утончённого изящества никому из детей ничего не досталось. Мы все «крепенькие как репки» – в папу.

Хотя нет, досталось, конечно. В Гришке, например, нет ни на йоту папиной любви к технике. Как мама тогда утопила его в литературе, так он из неё и не выплыл. Начнёт она ему сказку про злого царя рассказывать – вроде адаптировано к возрасту, да скучно ей становится. Раз – и уже сбилась на «Князя Серебряного». И Гришка, замерев, слушает о неистовых опричниках и прекрасной Елене. И что ему потом уже те мушкетёры, если он знает, что у нас, по нашей земле, ходили свои рыцари и богатыри, такие как Никита Романович Серебряный.

А если нет денег на дальние страны, то чудеса можно найти прямо под ногами! Камни, в которых отпечатались следы древних раковин. Увидев первый раз, мама глазам своим не поверила. Нагнулась, подняла – померещилось? Близоруко поднесла к глазам. Нет, точно... Завиток раковины в камне. Миллионы лет назад здесь плескалось Акчагыльское море.

И пошло-поехало... Перебрали, перенежили они в ладонях и душах все легенды, которые мог им подарить наш край. И «чёртовы пальцы» – белемниты, останки древних головоногих моллюсков. И поиски пещер в горах, которые будто бы потаены от человека. В самых древних – искрящиеся кристаллами льда стены, мамонты, когда-то сюда забредшие, и оставшиеся навеки. Есть тут и сокрытые до второго пришествия подземные монастыри. И сокровища Стеньки Разина где-то таятся и ждут своего часа. Бродит в глубине заброшенных штолен таинственный Альпинист – то ли Чёрный, то ли Белый, оставляя пророческие надписи, и – кого-то, заблудившегося, выводя к свету, а кого-то наоборот – завлекая в их лабиринты навеки...

И когда, классе, кажется в пятом, Гришка поехал на школьную экскурсию... его классная до сих пор это вспоминает. Предлагалось ребятам посмотреть на «типичный крестьянский домик» в старинной деревне, попробовать дрова порубить, курочек покормить, отведать чаю с травами, легенды местные послушать...

Можете представить, как Гришка скакал на месте, едва только тётенька-экскурсовод сказала, что село образовалось в 1786 году?

– Раньше! Раньше надо говорить! Здесь кто только ни жил...

– Ну, скажи, – с любезной улыбкой предложила тётенька, не зная, кому она даёт слово.

Гришка вскочил, и начал рассказывать. А рассказывает он – это в нём тоже в маму. Слушаешь – и видишь. И бескрайнее древнее море, населённое загадочными существами. И пер-

вых кочевников, пронесшихся здесь на своих конях. И монахов, искавших тут одиночества, в кельях, вырубленных в горах. Беглых крестьян...

Но Гришка мог не только рассказать, но и показать.

– А хотите, пойдём на место, которое Хозяйка здешних гор защищает? Там даже время останавливается. У мамы встали часы и до сих пор не идут.

Одноклассники взвыли от восторга, и остаток экскурсии прошёл на поляне, о которой не знали, конечно, ни учителя, ни сама экскурсовод. (После она хотела ещё кого-то туда привезти, но не смогла найти это место без Гришки). Неожиданно открылась та полянка в густом лесу, покрывавшем склоны гор. И было здесь всё, чего может желать путешественник: Нагретые солнцем камни, на которых можно сидеть, рассматривая величественную панораму: Волгу и необозримые дали за ней. Душистые цветы – ни один до тебя не сорван, не вытопан, кажется – природа для тебя расстелила этот ковёр. И родник: кому-то скудный – ручеек, выбивающийся из-под камней. Но какая же сладкая вода в нём...

А часы, когда вспомнили о них и поглядели – вправду встали. Гришка рассказывал, что в летние ночи, именно с этого места лучше всего видны таинственные светящиеся столбы – главную легенду наших гор.

– Отсюда путь к ним начинается. Но лучше по нему не идти. Хорошо, если заблудишься, хуже, если потеряешься во времени. Не напрасно горят те столбы... Это ходы через века. Манят... А только не надо спешить к ним... Не думай, что ты человек и всемогущ... Знай своё место.

Гришка произнёс это таинственным маминым голосом, и не знаю, как взрослые, а замороженные ребята готовы были остаться здесь: вдруг нынче же ночью вспыхнет мерцающий свет. А Гришка, он, конечно, и поведёт, и выведет... За ним можно идти слепо, как за волшебной дудочкой – в сказку.

Наши сказочники и ныне верны себе. Мама работает в краеведческом музее, а Гришка окончил филфак в Петербурге, и водит экскурсии. И оба, рассказывая, забывают про время, как и их слушатели.

Теперь, кажется, я познакомила вас со всей своей семьёй.

Я люблю свою школу. Честно. Казалось бы – за что? Нет в ней красоты старых школ, построенных без малого век назад – в центре города. Там – колонны и лепные потолки, там окна арками, и залы как в театре. А в новых школах – бассейны, и зимние сады, и спортивные площадки, напоминающие стадионы.

А мы – такие маленькие, сельские, трехэтажные... Чувствуете – я про школу уже как про ребенка говорю? Только будучи первоклашками, мы относились к ней с почтением. И то лишь в первые недели. А потом она просто стала вторым домом.

Осенним утром бежишь по нашему частному сектору... Вернее, прыгаешь, отыскивая места, чтобы не провалиться в лужу, и не соскользнуть в грязь – асфальт у нас все еще остается мечтой. И дожидаться не можешь, когда, наконец, из дождя и холода шагнёшь в школьный коридор.

– Здравствуйте, Павел Иванович! Тётя Валя!

Они нас встречают первыми. Охранник Павел Иванович – худенький такой, пожилой дядечка. Именно он приучил нас всех здороваться при входе и прощаться, уходя. А как он играет в баскетбол! Даже директора нашего обыграл, уж на что тот мастер.

А тётя Валя – просто наша школьная бабушка. Она ночной сторож, но и днём мы её постоянно тут видим. Очень маленького роста, круглолицая, в косыночке, завязанной сзади. Она с первого класса знает о нас всё. Как-то за считанные дни она нас запомнила, и уж никого не забудет до выпускного вечера – и дальше. К ней мы бежали, чтобы помогла застегнуть ту

самую неподатливую пуговицу на пальто, под самым воротником. Она застегнёт, да ещё шарф сверху повяжет особым узлом, чтобы никакому ветру было до наших шей не добраться. Ей можно было пожаловаться на «Петьку, который дерётся», и спрятаться у неё за спиной от этого самого Петьки. У неё мы просили иголку и нитку, если вдруг побежала стрелка на колготках. Она помогала нашим мамам отыскать нас, если вдруг нас уводили в спортзал или в школьный двор на мероприятие. Бывали минуты, когда её хотелось просто обнять, прижаться к её теплу. Бабушка!

Проносится по вестибюлю с картами под мышкой Анатолий Юрьевич, наш директор и учитель истории. А он ещё совсем молодой. Недавно в интернете кто-то из старшаков выложил запись, как Анатолий Юрьевич танцует под рок. Может, с учителями поспорил, может, минута у него такая была, а только мы смотрели и умирали... от восторга. Как он может... Взрослый дядька, а нашим сто очков вперёд даст! У ролика за короткое время было немислимое количество просмотров.

У меня знакомая девочка была в потрясении. Её мама привела к нам. От отчаянья. Катька училась до этого в элитной школе. Ну, знаете, белые гольфики, причёски – волосок к волоску. И чем старше классы, тем более прозрачно стали учителя намекать ребятам, что без повального репетиторства экзамены не сдаст никто. А кое-кого до этих самых экзаменов просто не допустят. Не будет школа рисковать перспективой, что слабый ученик получит двойку и опозорит её навеки.

Катька как раз была из тех, кого собирались не допустить. А мама её и так уже из последних сил тянула. Всё уходило на эти гольфики, книжки-тетрадки, поборы классные и поборы родительские – на подарки учителям. Откуда же взять ещё на репетиторов? Но остаться за бортом – в выпускном классе-то?

– Да переведите её в восьмую, – посоветовал кто-то Катькиной маме, – Там всех берут, даже... «самых негодящих» – советчик благоразумно проглотил, но мама была в таком отчаянии, что без звука забрала документы из элитной школой и вместе с Катькой поехала в нашу. Катьку одели по принципу – «первое впечатление незабываемо». На ней была строгая форма – синий сарафан, и отглаженная белоснежная рубашка. По-моему, она даже скрипела от чистоты.

Подходят они к школе, а это были последние дни августа, занятия ещё не начались. И видят – два мужика в шортах и майках, взмыленные играют в мяч. Охранник Павел Иванович и директор Анатолий Юрьевич. Директор проигрывал, был красный и злой, и обвинял Павла Ивановича в жульничестве. А тот отмахивался: «Не умеете, так и не суйтесь».

– Вы ко мне? – Анатолий Юрьевич перебросил мяч из руки в руку.

Катька и её мама смотрели на него во все глаза.

Директор привел их в кабинет, посадил писать заявление:

– Да не нервничайте, я вас по любому возьму... И до экзаменов мы всех допускаем. Каждому надо дать шанс, правда...

И как же Катька рыдала через год на последнем звонке, что не в этой школе отучилась все одиннадцать лет! Как там с ней наша математичка Ольга Геннадьевна колдовала, я не знаю, а только математику Катька сдала с первого раз, без пересдачи.

Вообще, на последнем звонке всегда слезы ручьем. У всех. У выпускников, родителей, учителей, и даже у нас, кто пока сидит на празднике – гостями. Они кажутся такими хорошими – эти ребята, с которыми мы и ссорились когда-то, и даже дрались. Теперь они представляются нам неповторимыми – таких никогда больше не будет. Как Алиса пела на школьных вечерах, какие стенгазеты рисовал Ромка, как гордились мы победами Бориса на всяких спортивных соревнованиях. Но они уходят навсегда – и нам их тоже жалко. Больше никогда и нигде не попробуют они такого рассольника, как в нашей школьной столовой. И не услышат, как наша дорогая Наталья Николаевна ехидно говорит, когда кто-то пытается чего-то промямлить про Достоевского:

– Ну-ну... под бодрое мычание....

Даже сегодня, когда на улице совсем уже светопреставление, и дождь хлещет в окна так неистово, что по ним бегут потоки – у нас тепло, и бесчисленные цветы в горшках, которые разводит учительница биологии Татьяна Васильевна вместе со своим «шестым А», заслоняют окна зелёной стеной, своим видом напоминая, что наступит когда-то же лето.

Я сижу на третьей парте у окна, и это отличное место. Во-первых, если будет все-таки холодно, можно снять туфли и засунуть ноги под батарею. Во-вторых, когда тема урока не увлекает, можно смотреть на лес, горы и синеющую вдали Волгу. Рядом плотина, и река тут не замерзает даже зимой.

Правда, впереди сидит Ленка – главная ложка дёгтя в нашем классе. У неё всегда были короткие волосы, а теперь она решила отращивать длинные. И теперь сидит, закинув голову, чтобы показать всем, что её мышинового цвета волосы уже ложатся на спину.

Когда-то мы с Ленкой были отличницами. Но эта девушка, помимо вечного соревнования со мной в учёбе, хотела ещё показать, кто в доме хозяин. Помню, нас распределяли – кто какой язык будет учить. Ленка уже занималась английским в каком-то лингвистическом клубе и надеялась блеснуть, обойти меня вчистую.

А я выбрала французский. Потому что в отличие от Гришки была «всеядна», по выражению мамы. Мне нравились книги Дюма. И неподражаемые французские комедии, да и сам язык казался изысканнее английского «бульканья»

– Я думала, ты настоящая отличница – честная. И выберешь самое трудное. А ты пошла лёгким путём! – с презрением сказала мне эта дура.

Честно, я даже не нашлась, что ей ответить. А если б я решила учить китайский с его иероглифами? Труднее бы она сочла его или легче?

Вместе с Ленкой сидит Сашка Червяков, Червяк. Я об этой парочке рассказываю просто потому, что они сейчас у меня перед глазами. На самом деле они вовсе не пара, и Сашка очень хотел бы стать парой мне.

Он такой высокий, у него такие мускулы... однажды, на уроке рисования он у нас даже работал натурщиком. Но говорить с ним совершенно не о чем. «Как дела? Я хочу, чтобы у нас были с тобой отношения» – пишет он по вечерам мне ВКонтакте. Я не могу себе представить, какие у нас с ним могут быть отношения. По-моему, он сразу полезет целоваться... А представить себя целующимся с Червяком... бр-р... Фигура у его ничего, но морда лица, простите, как топором вырубленная. И ни следа интеллекта в глазах.

Червяк давно бы хотел сидеть со мной, но я своего Киселёва никому не отдам. Мы с ним за одной партой не первый год, и лучшего соседа я никому не пожелаю. Мишка Киселёв маленький, мне ниже плеча, чёрненький, и если давать клички, то его не Киселём надо было бы прозвать – по фамилии, а Галчонком.

Мой любимый предмет – литература – ему не дается абсолютно. Вот не умеет он писать сочинений – и всё. Зато я в отведённое время с лёгкостью могу написать два. И Мишка, благодарно поскуливая, переписывает с листочка подсунутый ему текст себе в тетрадь особым крупным почерком, чтобы буквы занимали почти всю линейку, и сочинение подлиннее вышло.

Зато на других уроках, у тех учителей, кто не придирается – сиди с кем хочешь, Мишка покорно отправляется на третий ряд, а ко мне подсаживается моя подруга Лариска. С которой, даже если мы словом за урок не обменяемся, – сидеть всё равно весело.

Мы и молчать умеем об одном. Нынче вспоминаем, как взвешивали вчера её Пиратика. Ей отец принес щенка, очень похожего на добермана. Назвали его Пиратом, потому что в щенячьих играх своих нападал он на всех и вся. Не ел, а мёл всё подряд – вес набирал на глазах. Ларискиной бабушке стало интересно, сколько же, в конечном счете Пиратик весит, если во время прогулок она за ним уже невесомой пушинкой летает на поводке. Но как этого мерзавца удерживать на весах? И сухая, худенькая как стебелёк Ларискина бабушка, каким-то чудом

сграбастала эту коричневую корову, которая свисала у нее со всех рук и жарко дышала в ухо – и встала на весы. И весы показали вдвое больше!

Мы с Лариской переглядываемся, и утыкаемся в учебники, чтобы не расхохотаться. Хотя математика – именно тот предмет, на котором мне меньше всего следовало бы ржать аки лошади. С предметом мирит лишь факт, что наша учительница такая милая. Ольга Геннадьевна похожа на высокую девочку. Она такая худенькая, что, кажется, даже стоять прямо подолгу ей трудно. Выгнется, обопрётся о парту рукой... Чуть ли не поддержать её хочется. И она пытается нас ругать. А как иначе, если весь класс дружно кивал на вопрос – понятна ли ему домашняя работа, а наутро решённые задачи принесла только я одна, и то потому, что папа у меня в математике шарит немногим хуже (а может и лучше) Ольги Геннадьевны.

Ещё она ругается, что не все надевают форму, которую недавно заставили – Анатолий Юрьевич сам бы ни за что не стал, он у нас демократ – сверху заставили ввести в школе: чёрные брюки, белые рубашки, малиновые галстуки.

– А носим чёрт-те-что, – говорила на родительском собрании Ольга Геннадьевна, сдерживая улыбку, – мальчики ещё так смяк, хотя и они от галстуков отказались – мы в них на официантов похожи. Но девочки! Брюки, брюки мы носим, а не лосины! Я уже мальчишек спрашиваю – а чем они отличаются? Мальчишки говорят: «В брюках есть карманы, а в лосинах нет».

Мы почти старшие – десятый класс, пример для малышек. Мы должны всегда выглядеть «комильфо». Но перед другими учителями – да перед кем угодно – Ольга Геннадьевна нас всегда защищает, и прилагает все старания, чтобы обучить своему, труднейшему в школьной программе, предмету.

Но я совершенно безнадежна. Изюм всей геометрии я заморожена только магией построения объемных фигур, когда под рукой – и линейкой – вырастает зрительно прозрачный куб, и невольно забывается о цифрах и расчётах, и воображение даёт ощущение кристалла льда или горного хрусталя.

Бывает ли, что вам хочется музыки? Нет, я не о том, когда ткнёшь пальцем в кнопку колонок – и дрожи вся улица! Когда на природу выбираются на машинах, и от грохота «музыки боевой» испуганно смолкают птицы, я тоже терпеть не могу. Но иногда... иногда... что-то в душе страстно жаждет музыки. Это именно жажда – так изнемогающему от жары нужна вода.

Я возвращалась от мамы, из её полутемных музейных комнаток. Ходила я к ней за материалами о местных участниках войны, от нас в школе требовали заранее писать сочинения к Дню Победы. И я колебалась, какой дорогой возвращаться. Пойти на автобусную остановку? Но автобус к нам ходит всего один – «четвёрка», она появляется так редко, тащится так медленно, и всегда набита до отказа.

Можно пойти пешком, отчасти срезав дорогу. Правда, топтать всё равно долго, а на улице холодно. Но приманка, главная приманка! По дороге будет школа искусств, и можно постоять под окнами и послушать пусть неумелую, пусть ученическую, но игру... Фортепиано! Скрипку! Гитару!

И я пошла. Под окнами школы искусств растут громадные голубые ели. Густые, меж лапами таинственная тьма. Есть такой старый детский фильм «Новогодние приключения Маши и Вити». Мальчик и девочка шагнули в еловые ветви, и попали в сказку. В эти ёлки тоже можно шагнуть как в сказку. Правда, чаще мне кажется, что их посадили с прозаической целью. На первом этаже – танцевальный зал. И голубые ели лучше всякого занавеса скрывают окна, за которыми танцуют девочки в чёрных купальниках и шопеновских юбках.

Я шла вдоль окон медленно. Так крутят колёсико радиоприёмника. Тааак... Отсюда летят гаммы. Ой, здесь вообще кто-то учится на чём-то духовом, на трубе, наверное! Как преподаватель не оглохнет... «Вальс цветов», «Вальс цветов» из «Щелкунчика». Чьи-то лёгкие уже руки летят по клавишам. Хочу, хочу!

И тут вдруг сразу пошёл снег. Огромными щедрыми хлопьями. Из чёрного, даже с красноватым отливом городской подсветки – неба. И это было волшебно. Стоять – подняв лицо и нестись вместе со снежинками – с неба... и музыка...

– Эй... – сказал мальчишеский голос. Осторожно, будто опасался – разбудить, спугнуть...

Мне так не хотелось открывать глаза. Я взглянула. Он стоял – продолжение сна, да. Такой высокий, такое лицо. Куда там Голливуд! Старинная гравюра. Я ж говорю – принц.

Я поднесла палец к губам – тсс... Хотелось дослушать музыку. Я знала себе цену. Принцам такие как я – не нужны.

Цветы, наконец, окончили свой вальс, и невесомыми снежинками опустились к ногам. Не только снег – впереди блестела раскатанная ледяная дорожка. Я сделала несколько быстрых шагов, оттолкнулась и покатила по ней.

– Вы просто слушали? – донеслось сзади.

Видимо странное зрелище я являла перед тем. Стою неподвижно, и снег заметает лицо. А мне хорошо-о... Со стороны же – или девушке дурно, или она сумасшедшая.

– Или просто дура, – мысленно добавила я.

– Вы так любите эту вещь? – принц опять стоял рядом – Но отчего здесь? Ведь можно зайти, послушать...

– Да кто ж меня пустит?

– А хотите, я вам то же самое сыграю? – с готовностью предложил он.

– На чём?

– На гитаре.

Потом я узнала, что Славке только заикнись, что ты хочешь чего-то там послушать. Он не усомнится – ты этим живёшь, как и он сам, и в самое короткое время нужная музыка тебе будет – или сыграет сам, или принесёт запись на диске.

В тот день он только что окончил занятия, а поскольку он был гордостью школы, уже именитой (я потом кого ни спрашивала о нём – его все знали, там за плечами были сплошные победы в конкурсах и сольные концерты) – но и гоняли его преподаватели тоже с пристрастием. До седьмого пота в самом прямом смысле.

Ему хотелось – остыть, мне – согреться. Но когда он предложил меня проводить... Вы бы отказались от сопровождения Его Высочества? Только что мантия за ним не тянулась.

Однако он не знал, на что подписывается, провожая меня. Это надо пройти через весь центр, подняться на железнодорожный мост, затем миновать новые микрорайоны, и потом только очутиться в нашей деревне. И ещё я умела отвлекаться. Знала, что как бы ни намёрзнуть – дома у нас всегда тепло, и меня встретит печка-голландка, которую можно обхватить двумя руками, прижаться к ее серебряному боку, чувствуя, как прогреваешься до самых косточек. Я знала, что всё это скоро будет, и могла велеть себе – потерпи.

А он замёрз уже возле железнодорожного вокзала. Наскоро расспросив меня – как зовут, в каком классе учусь, и не играю ли на чём-нибудь сама, он хотел уже обрушить на меня весь водопад своих музыкальных пристрастий, но я заметила, как зябко от подтянул воротник своей модной, но короткой и тонкой чёрной курточки.

– Может, всё-таки на автобус? Или домой пойдёшь? – спросила я.

Он огляделся.

– А может, сюда? – спросил он, кивая на суши-кафе, недавно открывшееся в соседней с нами сейчас девятиэтажке.

Вот против суши я устоять не могу, как хотите. Когда у нас в классе у кого-то день рождения, чаще всего приносят конфеты, иногда кто-то даже торт приволочёт. Но к этому я отчего-то совсем равнодушна. А вкус блюда из далёких стран, каждый раз новый, и острота приправ... Короче, протяните мне суши, помашите под носом и ведите за собой, как козу на верёвочке.

...Кафе было маленьким. Хозяева купили квартиру на первом этаже и переделали её. Красные обои, чёрные иероглифы. Низкие столы, полутьма. Кроме нас здесь сидела только одна пара. Девочка в кимоно подошла к нам с двумя меню в кожаных папках.

Я прикинула, сколько у меня денег. Новый знакомый-то пока шапошный...

Но он не удостоил меня взглядом.

– Это у вас есть? А это? – и зазвучали японские слова.

Девушка нахмурила русые бровки, припоминая. Кивнула.

– Ну, и кофе...

Славка расстегнул куртку. Он едва заметил принесённые подносики, и неловкий поклон русской японки. Говорят, я умею хорошо слушать, и мне хочется всё рассказывать. Но я, как та коза, забыть о суши не могла, посражалась безнадёжно с палочками, пододвинула к себе соусник, и замотала суши в имбирь, как голубец в капусту.

...Позже я не раз вспоминала этот вечер, когда я впервые вступила на землю обетованную, потому что Славка мог сказать о себе, как и Андрес Сеговия: «Музыка похожа на океан, а музыкальные инструменты подобны островам, разбросанным в океане. Мой остров – гитара.»

Он был аборигеном этого острова, взяв гитару в руки в том возрасте, когда другие берут ложку, чтобы учиться есть, или зажимают в жмене карандаш, чтобы нарисовать своё первое солнышко.

А я... я была тот... не знающий ничего путешественник, который бродит по райскому острову, открыв рот, и то и дело попадает впросак: «Не знаю... не слышала... не читала...»

Я и музыка... Могла б я сказать, что у нас сложные отношения, но отношений не было никаких. Правда, я ревновала маму к соседской девочке Наташке, о которой восторженно говорила мама моя, что у неё очень хороший слух. «А у меня?» – вопрошала шестилетняя я.

– И у тебя тоже, – мама примиряюще гладила меня по голове.

Белобрысой Наташке абсолютно не нужен был её слух. У неё была масса других талантов. Она лучше всех лазила по деревьям, уютно устраиваясь в сплетении ветвей там, куда забраться мог не каждый мальчишка. Она ныряла, задерживая дыхание под водой, так что Саша-спасатель – о котором я еще расскажу – в конце концов, не выдержал, и, хотя чудила Наташка на городском пляже – вытащил её из воды за шкуру и увесистым шлепком отправил на берег. А, главное, она рассказывала такие занимательные истории, что ровесники ходили за ней табуном. Что ещё надо для счастья? И когда мама моя спросила – не собирается ли Наташка в музыкальную школу – она с неподдельным изумлением пожала плечами:

– Я что, с дуба рухнула?

Наташка не по годам трезвым умом оценивала ребят из музыкальной школы как мучеников. В то время как их сверстники, отмаявшись с домашними уроками или наплевав на них, были вольны в своё время, эти несчастные тащились из одной школы в другую, где их опять-таки ждали учителя, занятия, оценки и выволочки за неусидчивость. Домой они добирались совсем уже вечером, с языком на плече. И когда, простите, жить?

Славка же наоборот. Он мог жить только в своей музыке, и напрасным казалось ему всё время – вне её. Так влюблённый по-настоящему живёт только в минуты встреч.

А мне намекали, всё детство намекали, что медведи не только наступили на оба моих уха, но и уюстились на них. Пока я не укрепились в этой мысли, и не стала сама говорить об этом со смехом, отнекиваясь от школьного хора, и участия в номерах художественной самодеятельности.

При всём при этом я продолжала любить музыку совершенно по-дилетантски, но искренне. Мне нравилось пианино, и в глубине души хотелось научиться играть на нём. Но попросить дорогостоящий инструмент при моей явной бездарности было немислимо. Не раз в школе, в актовом зале, или у знакомых, я украдкой поднимала тяжёлую крышку, и нажимала клавиши справа – те самые, что дают звук падающих с крыши льдинок. А к левым –

как нежно их ни коснись – зарокочут – к ним и прикоснуться было страшно. Сразу привлечёшь внимание, а это опять-таки стыдно, как если бы дурнушка примерила на себя платье, подходящее лишь для красавицы.

Я любила и гитару, когда под неё пели папины друзья. На спасательной станции, где работал Саша, гитара тоже висела на стене, и порою скрашивала ночные дежурства. Гитара сопровождала нас с одноклассниками во время летних походов. На немудрёные аккорды, которые за пару вечеров выучивался брать любой, кроме меня, ложились песни. Именно слова были важны, а музыка отступала.

– Хочешь послушать? – Славка снимал чехол с гитары, – Испанская мелодия...

Он так и не прикоснулся к суши, и к моему стыду я заметила, что опустошила поднос сама. И хорошо, что успела покончить с едой, потому что он положил пальцы на струны.

Я не могла дать оценку его инструменту. Наверняка, гитара была редкая и дорогая. Позже я узнала, что Славка из богатой семьи. Но смотрела я не на гитару, а на его пальцы – длинные, тонкие, но такие сильные...

Боюсь, что не могу этого сейчас передать. Впервые игра стала для меня не музыкой, а дивною кистью Божьей, с первых же звуков нарисовавшей картину. Столь ясно, что я забыла о музыке как таковой.

Солнце на закате. Лучи его, стелющиеся у земли – во всю ширь её, длинные тени скалистых гор. Уходящая, угасающая сила солнца. И вся грусть ухода, пусть только на ночь, но кто сказал, что утру – непременно быть? Каждый день, как последний... Я ощущала тепло ветра, вечернего, коснувшегося лица – дуновением, перебором струн.

И вдруг зазвучал голос. Человеческим голосом стала рассказывать гитара. И пристукивание тяжёлого каблука различала я. Точно подбодрить себя старался одинокий человек, смирившийся с судьбой, оставившей ему только это одиночество, и эти закаты, и грядущую ночь. И научившийся находить красоту в этом одиночестве. Он и Бог. Он и мир. И всё прекрасно, и ничего не жаль...

Это не гитара в чужих руках говорила. Это моя душа звучала, которую каким-то чудом, впервые, в полной мере сумела выразить музыка. И не просто выразить, но приподнять на цыпочки, возвеличить над собой. Я никогда больше такой не буду, только слушая его игру.

Стихла, точно растаяла, музыка. И не сразу он снял пальцы со струн. Вздрыгнул, услышав, что хлопают ему. Пара, сидевшая здесь. И вышедшие откуда-то из задних дверей, работавшие тут люди. И русская японка... Говорят «аплодисменты, переходящие в овацию».

А я смотрела...

Я только смотрела...

Я надела зелёное платье. Сегодня было можно. Самый строгий человек в нашей школе, завуч Маргарите Фёдоровна укатила на три дня, на какое-то совещание. А форма «белый верх, тёмный низ» приелась уже – не знаю, как.

Платье цвета изумрудной майской листвы, шерстяное, с плиссированной юбкой. Тут один нюанс. К этому платью требуются колготки, а впереди – овраг.

Я уже рассказывала, что мы живём на окраине города, и в школу я добираюсь такими улочками и переулками, где асфальт в 21 веке всё ещё остаётся мечтой. Самое же главное – преодолеть овраг, особенно когда ты спешишь, и по одному склону его – слетаешь бегом, а другой – берёшь в лоб.

Овраг разделяет две улицы, и по дну его струится ручеёк. Если бы мы жили где-нибудь в Европе, здесь бы давно всё выложили плиткой, и сделали ступени, и перекинули мостик через ручей. Овраг стал бы местом, куда приятно спуститься и где «наслаждаешься красотой природы».

Наши же жители используют его как помойку, куда легко и просто можно вывалить вёдра, и не нужно брести впотьмах к контейнерной площадке. Свалка, которую никто отродясь не убирал, получилась грандиозная. И поскользнуться на ней – когда раскисшей, когда – обледенелой, проще простого. Если ты в брюках, то просто вымажешься... А если... Недавно на первом уроке я демонстрировала Лариске разодранные на коленке колготки, и огромный синяк, на глазах меняющий оттенки от пурпурного до чёрного.

Но сегодня мне так хочется прийти в школу красивой, что я готова рискнуть, и сыграть в эту русскую помоечную рулетку. И я выигрываю! Пробираюсь на цыпочках, умудряюсь сохранить равновесие, коленки щиплет мороз...

Но что же чувствую, когда в раздевалке встречаю Лариску! На ней джинсы и ярко-красный пиджак, которым ей хотелось нынче похвалиться. У неё тоже – сперва приоткрывается от изумления рот, а потом она свирепеет и оглядывается:

– Так, – говорит она, – Давай искать кого-нибудь в жёлтом, посадим между нами, и будет чистый светофор!

Первый урок – литература. Ради него я и неслась по оврагу, потому что могу пропустить всё что угодно, даже математику, в которой не секу ни бельмеса, и которую запускать мне категорически нельзя. Но уроки Натальи Николаевны – это самое дорогое, что есть для меня в школе. Кстати, от неё же я знаю, что бельмес – это такой дурак на татарском языке.

Говорят, каждый школьник, особенно первоклассники, хочет, чтобы учительница была красивой. Есть ли кто-то красивее Натальи Николаевны? При том, что она маленького роста, ниже не только мальчишек, но и почти всех девчонок... При том, что она на пенсии... При том, что не обладает балетной фигурой, и классическими чертами лица. Но она входит, и мы все смотрим на неё... Если я поверну голову, и взгляну на своих одноклассников, сидящих на втором или третьем ряду, я увижу такие же влюблённые взгляды.

Потому что для Натальи Николаевны дороги мы все. Я не знаю, был ли за все годы, что она работает в школе, хоть один ребёнок, которого бы она не полюбила, сочла бы безнадежным, пропащим. Когда наша классная проводит родительские собрания, она пересказывает родителям, что говорят о нас другие учителя-предметники, в основном, на кого они жалуются... Если же речь заходит о литературе, она улыбается: «Ну, Наталья Николаевна всех только хвалит».

Я часто вижу, как на переменах малыши несутся к Наталье, встретив её в коридоре, летят, раскинув руки. Обхватят её, и она в ответ прижмёт ребёнка к себе, и смеётся, и приговаривает: «Пятиклашки любят обнимашки!»

Та самая Катька, которая перешла в нашу школу из другой, элитной, говорила: «Я думала, знаю литературу. А у Натальи Николаевны я поняла, что ничего не знаю»...

Потому что у неё нельзя просто «знать», надо любить литературу, хотя бы в какой-то доле от той горячей, искренней любви, какой любит она сама. Вот мы сейчас в десятом, и она, как сама говорит, в пятидесятый раз перечитывает «Преступление и наказание», и сегодня огорошивает нас:

– Так почему Раскольников пошёл и признался следователю в том, что убил старуху?

И наша разногласица, которая сводится к тому, что он раскаялся, не смог жить с таким грехом на совести, готов был понести наказание, искупить...

– Потому что он на самом деле «тварь дрожащая», – тихо говорит Наталья.

И пока мы это перевариваем, и осознаём, каково на самом деле быть «тварью Божьей», дрожащей тварью в том особенном страхе Господнем, что и есть – совесть, я вспоминаю, как в прошлом году Наталья провожала свой выпускной класс, тот самый, с Катькой. Их последний звонок. Как ребята в последний раз выходили на школьную сцену, попарно, взявшись за руки, кланялись, прощались. Их ждали ещё экзамены, и торжественный вечер на городской

площади, вместе с другими выпускниками, и бал в кафе. Но со всеми, кто будет продолжать учить и учиться в школе – они прощались именно сейчас.

Говорили им учителя трогательные слова, вспоминали их маленьких, первая учительница, вытирая слёзы, раздавала сбережённые детские их прописи. И буфетчица вспоминала, как они дежурили в столовой, и первоклашки – как год назад эти ребята открывали им школьные двери.

Но вышла сердитая Наталья и сказала:

– А у меня нет слов! Все слова будут потом, после экзаменов. А сейчас, родные мои, дорогие, забудьте обо всём, ни о чём больше не думайте, я вас только умоляю – сдайте!

И она сделала всё для того, чтобы они сдали. Она сказала, что для неё будет оскорблением, если кто-то из «её детей» станет искать репетитора. Она собирала их у себя дома, и, ни копейки ни с кого не взяв – зная её, даже в голову не могло прийти предложить ей деньги – занималась с ними до такого позднего вечера, что ребят, живших далеко, отправляла домой на такси.

В день экзамена, утром она разослала смс-ки, каждому: «Не забудь паспорт, воду, шоколадку. И не бойся ничего – Бог тебя любит».

И я знаю, что, когда мы будем прощаться со школой, расставаться с нашей Наташей будет всё равно, что отходить от костра, который согревал нас все эти годы. Грел и светил.

Мысль о костре рождает смутную тревогу – что-то ведь я задумала, и непростое, о чём нужно будет хлопотать... Ах да, Семихатка....

Я не знала, чем мне отдарить Славку за вчерашний подарок его. Не было у меня ничего равного... разве что главная тайна моя, пещера.

В нашем краю пещер немного. Но есть среди них известные, куда с удовольствием выбируются учёные, и спелеологи-любители, и просто экскурсанты, включая школьников. Все они относительно невелики по сравнению с заброшенными штольнями, которые облюбовала экстремальная молодёжь. Об этом я тоже ещё расскажу.

И есть несколько пещер диких, о которых вроде бы знают, но ходят туда редкие энтузиасты. Одна из таких пещер, например, находится на краю области, в маленькой деревне, и вход в неё ведёт из хозяйского огорода. Это ж надо сперва ехать за тридевять земель, а потом выпрашивать у хозяев разрешения войти в их владения и забраться в пещеру, которая хоть и немаленькая – сто тридцать квадратных метров, но, в общем-то, обычный каменный мешок.

А самая загадочная из всех – Семихатка. Если у вас есть лодка, добраться туда можно без проблем. Надо всего лишь около часа идти на вёслах вдоль гор. Вход в пещеру – с воды. Но мы – когда-то мама, а потом она открыла этот путь нам – обнаружили другую дорогу. Надо всего лишь попросить междугородний автобус тормознуть возле заповедника, и дальше лесом, едва заметной, но отлично известной нам тропкой выбраться на берег Волги. И там идти по узкой полоске вдоль кромки воды, а с другой стороны берег подмыт так, что чистые обрывы там, отвесные. В одном месте и по воде пошлёпать придётся. Однако путь короткий, и вот она – Семихатка.

Узкий, как нора, вход. Четыре зала, по-научному говоря – камеры, а дальше – подземное озерцо, и ещё три зала – под водой. Нырять сюда, конечно. Первый зал осмотрели сразу, и не нашли в нём ничего особенного. Глубина – метра четыре, вода ледяная, вот и все достоинства.

.Через пару лет нашлись энтузиасты, которые пробрались и во второй зал. Но ход в последний, седьмой – до того узкий, что он до сих пор остаётся тайной. И, как водится, объявили, что именно там спрятаны сокровища Стеньки Разина, которые атаман совершенно точно схоронил в наших горах, но они до сих пор не найдены.

Весной, в паводок, Семихатку полностью затопляет водой, так что для людей она доступна не всегда.

Не знаю, как там сокровища, но уверена я, что если есть в наших краях «места силы», где особенно ясно сознание и яркие образы, встающие перед ним – то это здесь.

В Семихатку даже удобнее ходить зимой, а не летом, когда река подо льдом. На лодке мы сюда никогда не пробирались, но то, кто делал это, говорили, что идти на вёслах нелегко – сильны подводные течения.

Заповедную дорогу свою я и решила показать Славке, отдарить его этой тайной. И вечером набрала его номер.

– Как у тебя в это воскресенье со временем? – спросила я

Он принадлежал к тем, у кого свободного времени – ой, как немного. И если уж оно есть, их можно представить где-нибудь на концерте, в театре, на худой случай, в боулинге. Но на природу эти люди не выбирают годами. Что я и поняла по каким-то детски-восторженным глазам Славки, оглядывающим обычную, в общем-то, картину: сосновый лес и нетронутой белизны снег.

Я люблю сосны. Из всех деревьев с ними единственными ощущаю родство. Когда мы навещали Гришку в Питере, там, в окрестностях, всё больше ели. Они мрачные, в такой лес и заходить страшно, в нём полутьма. И растут папоротники, светятся нежно в этой тьме. Чувство, будто я под водой, и это – дно, отражающее солнечный свет.

А сосны... у них такие тёплые шершавые стволы, хочется обнять и вдохнуть запах смолы. Возле стволов стелют они ковёр из сухой хвои, и бросают забавные шишки, из которых мы в детстве каких только фигурок не мастерили. И ветки у них так высоко, в поднебесье, шумят от ветра, будто рассказывают что-то... Общительные деревья, эти сосны...

Я могла здесь идти ощупью. У того куста орешника свернуть... сейчас маленький овражек будет... хоть он и занесён снегом, но ноги знают путь.

– Не споткнись, – предупреждаю я Славку.

Теперь мы уже будем спускаться на берег. Тут лишь первые метры трудны, пока тропинка крутая. Надо только схватиться вон за тот корень, вылезший из земли, как за поручень.

– Далеко ещё? – спрашивает Славка.

Я качаю головой, и впервые смотрю вокруг пристрастно: всё ли здесь настолько хорошо, чтобы понравиться ему? Весною краше, конечно. А сейчас три цвета всего – тёмно-серое, свинцовое небо, белизна снега, и чернота всего остального – ветвей, корней, выбившейся кое-где земли...

Вот и узкий ход в камнях. Зря Славка надел такую дорогую куртку. А может, у него и нет чего попроще. Я-то и сюда могу скользнуть ощупью. Но надо ещё сквозь шкуродёр пролезть...

Первый зал – потолок тянется вверх, напоминая маковку русских церквей. Летом здесь холодно, и даже мох, прорастающий на стенах, кажется сделан из зелёного инея. А сейчас тут теплее, чем на улице.

Славка осматривается. Захочет ли он пойти дальше? Пока тут нет ничего удивительного. Но если войти вон в тот широкий ход... Он поднимается резко вверх – и там ещё одна «комната». А следом, ещё один коридор ведёт резко вниз. Будто по зубьям пилы идёшь...

И вот тут-то, в последнем зале, нужно быть осторожным. Начинается подземное озеро. Вода в нём такая прозрачная, что кажется – его нет. Блики от фонарей рисуют на глади отражение свода пещерного. И камни будто лежат на дне, в воде, только они – полупрозрачны и прозрачны. И это не просто озеро, это путь в остальные пещеры, последняя из которых остаётся неведомой...

– Вот, – сказала я, поднимая фонарь повыше, – Видишь, здесь валуны такие у стены. Садись...

Они и в самом деле могли послужить «креслами».

– Ты это место хотела мне показать? – спросил Славка.

Глаза у него были такие светлые... Он внимательно смотрел на меня... Ждал рассказа. Мне надо было «вступить» сейчас, как он вступил с игрою на гитаре своей. Но будто замкнуло горло. Я медлила говорить. С чего начать? С того, что я любила всегда глубину? Если вода, то расскажите мне о том, что таится в океанской бездне. Если земля – пусть будут тайны пещер. Космос – он сплошная глубина. Но самое драгоценное – это то, что на дне души.

Что рассказать ему – видевшему страны иные?

Я сцепила пальцы на коленях и смотрела на них.

– Ты знаешь о здешних легендах? – наконец спросила я., и первая фраза далась мне непросто, – Ну, про град Мирный... про геомашину...

– Нет... Я даже не слышал.

– Говорят, что здесь, в наших горах – особенное место... Может, от того, что река делает вокруг гор петлю. Сила движущейся воды... Такая огромная невообразимая сила... Энергия... Словом, здесь видят иногда миражи. Если ты читал «Туманность Андромеды» – помнишь, как там видели люди с помощью особой машины пейзаж другой планеты? Тут видят град Мирный. Такой призрачный город, будто восточный – с переливающимися куполами, мечетями, каменными стенами.

Я помнила слова тех, кто его видел:

«Из речного тумана поднялся город. Он светился различными цветами, словно ночная радуга. Над рекой возносились многоцветные стены и башни, словно россыпь драгоценных камней была брошена со звёздного неба на землю. Но даже отсюда было видно, что от многих дворцов остались одни руины. Будто время иных миров царило здесь. Нам казалось, что мы слышим странный пульсирующий звук – тихую погребальную песню, несущуюся над волнами реки и над этим волшебным городом.

Он был то мягким и нежным, то становился яростным и вызывал боль. Звук нарастал, делался невыносимым, а затем замирал. Но даже тогда ощущение скрытого ужаса не пропадало. И в сиянии города, всё, что было лишь легендами для нашего мира, становилось реальным, рождая страх и некую древнюю ненависть.

Этот город пропал так же внезапно, как и появился»

– Ещё видят призрачные неземные пейзажи..., – продолжала я, – Ведь многие люди верят, что мы произошли вовсе не от обезьян, а дали Земле разумную жизнь инопланетяне. И здесь, где-то в глубине гор, осталась их геомашина. Она уже не работает, нельзя перенестись на ней в иные миры. Но она их ещё иногда показывает. Ту планету, с которой они пришли...

А мне вот тут придумалось. Когда я здесь была... Ведь у нас есть и заброшенные бункеры... Когда-то все ждали атомной войны. И я представила, как юноша и девушка, просто выбирают посмотреть такой бункер... ну как мы с тобой сегодня выбрались. Случайно... судьба... и когда они находятся там, начинается война. Падают атомные бомбы... Они видят, что не осталось уже ничего. Только они. Проводят в убежище дни и недели, там есть запас продуктов. Но что дальше? Быть ли им изгнанниками до конца дней своих?

И вот, как здесь, через озеро есть путь дальше, так и они находят в камне потайной ход, который ведёт к геомашине... И пришельцы забирают их туда, в иные миры, потому что они действительно последние, оставшиеся...

Я говорила Славке о том, что так ясно представляла сама. Я видела эту парочку. Кто-то из родственников мальчишки, дед, наверное, когда-то заведовал этим бункером. И мальчик знал, как отпереть дверь. И они осторожно шагали по узкому коридору, где влево и вправо комнаты – тут очистка воздуха, там – запасы воды, здесь нары, и какие-то неведомые приборы. И вдруг тяжёлая дверь за их спинами сама собой затворилась. А через несколько минут гору потряс взрыв.

И как они думали сперва, что это иллюзия, нечто вроде учебной тревоги: тем, кто приходит сюда – положено пережить такое. Но был в бункере и командный пункт. На экране увидели

они – будто кадры из сюрреалистического фильма. Руины там, вдалеке, где был город, деревья, напоминавшие пылающие паруса.

Неверие, отчаяние, безнадежность... Никого из близких уже нет в живых. Идти некуда. Пожары сменяются зимой, которой не будет конца... Путь по узкой горной расщелине, чтобы попытаться найти подземный источник, добыть ещё воды. А вместо источника – ещё одна пещера. И в ней зал, где всё неземное – трубы из неведомого металла, кабины из подобия стекла. Певучий голос из иного мира звучит, когда туда вступаешь. И велит входить в кабину. Потому что их обоих сейчас унесут. Через миры звёздные – на планету, где бирюзовые океаны, и розовые горы, и люди, на которых земляне должны были быть похожи, люди – прекрасные, как мечта...

Я замолчала и смотрела на Славку. Я только что это всё видела вновь, своими глазами. А он видел меня – замерзшую, в обтрепанной куртке, маленькую пещеру, в которую отчего-то так долго шли, и сколько ещё из неё выбирать... И лужицу воды в её углу, в которой – дай Бог не промочить ноги.

Но он был безупречно вежлив, Славка.

– Спасибо за рассказ, – сказал он, – Но нам, наверное, пора возвращаться?

Я заболела. Это совсем нетрудно – заболеть, когда рушатся надежды. И, напротив, если ты воодушевлена, то и в минус двадцать вылетишь на улицу в распахнутом пальто – и ничего с тобой не будет.

А я слегла. Внешне этому было очень простое объяснение. Перегуляла в выходные, пересидела среди ледяных камней. А внутренне... первый раз в жизни попыталась очаровать. Об этом я не хотела думать. И даже радовалась тому, что мне так скверно, не до самокопания. Горло горит огнём, нос распух, и слабость такая, что не хочется поднимать голову от подушки.

Хорошо, хоть Славка не простыл за компанию, не было ещё этого греха на моей совести. По вечерам он заходил «Вконтакт», и даже выложил фотографии «с последней репетиции», где он так красиво склонился над своей гитарой. Прямо юный гений, да и только... Пепельные волосы упали волной, глаза полуприкрыты, такие строгие черты, такое отрешенное выражение лица...

Я откладываю планшет... Дайте помереть спокойно... Но мои домашние и этого не дадут. Вася с утра решил, что в доме довольно холодно – для больного человека нужно потеплее, и затопил печь. У моего братишки талант к любой работе, которую нужно делать руками. Я ещё полчаса буду мучиться, изведу все газеты в доме, чтобы «из искры возгорелось пламя», а он возьмёт два бревнышка, три щепочки, поколдует над ними минутку, нахмулив светлые, почти белые брови свои – и в печке уже пляшет весёлый огонёк.

Ещё через полчаса Васятка является ко мне, переступая осторожно, неся большую кружку с чаем. Чай тоже не абы просто, а из китайского магазинчика. Есть у нас такой. Там полки уставлены коробками, а поскольку люди заходят нечасто – тысячами измеряется цена этого чая – милая пожилая продавщица, чёрненькая, кабы и сама не из Китая, встречает приветливо, как добрых знакомых. Не жалеет времени. Будет доставать коробки по одной, и открывать, и набирать чай маленьким совочком, и давать нюхать. И трудно уйти, не купив хоть грамм пятьдесят этого чуда, где среди сухих чайных листочков – лепестки и бутоны тропических цветов, кусочки фруктов, и ещё что-то неведомое, что бывает только на краю земли.

Хранится у нас всегда такого чая понемножку, и заваривают его только для болящих, или уж если очень темно у кого-то на душе и хочется себя повеселить.

Папа заглянул, придя с работы:

– Инга, ну, как ты? Я сейчас такого супчика сварю... Роскошный суп будет у вас сегодня, господа офицеры...

А потом пришла грустная мама.

– Заболеешь от меня, – испугалась я.

У мамы нет никакого иммунитета, если поблизости поселился хоть один вирус, он непременно прицепится ней, как репей.

Но мама устало опустилась в кресло.

– Ингуша, так виски ломит... Причеси меня, а...

Это открытая нами лечебная процедура. У мамы часто болит голова, и один раз, когда уже и таблетки снять этой боли не могли, я взяла массажную щетку, и стала медленно причёсывать золотые мамины волосы. Она закрыла глаза:

– Господи, как же хорошо...

И через несколько минут стало ей легче. Наверное, лекарства всё же подействовали. Но с той поры уверяет она, что я лечу её лучше всех, и даже руки у меня лёгкие и волшебные. Я выползла из-под одеяла и взяла протянутую щётку.

– Опять какие-нибудь бумаги заполняла? – спросила я.

У мамы в музее много бумажной работы. И это только на первый взгляд кажется, что она лёгкая. Посиди-ка весь день, нагнув голову.

– Описание готовлю. Мы будущей весной откроем Ведьмино озеро.

Не до смеха мне было, но тут стало смешно.

– То есть, как это откроете? Вы знаете, где оно спряталось, и пойдёте его искать?

– Да нет же, – мамино лицо стало блаженным, должно быть, такой массаж и правду приносил ей облегчение, – Помнишь, я возила тебя в Сечино? Там в лесу такой водоём небольшой...

– Позволь, ты имеешь в виду ту самую лужу?

– Ну да, её... Только она не совсем лужа...

– Кому ты говоришь – я ж её видела...

– Будем считать, что это озерцо, – примирительно говорит мама, – Поставим на берегу деревянные фигурки, беседку сделаем. Дети станут приезжать.

Я хорошо помнила маленький, довольно грязный водоём и мне стало жаль детей, способных удовлетвориться такой малостью.

После обеда – а папа действительно превзошёл сам себя, сварив потрясающе душистый бульон с домашней лапшой – я турнула Ваську, который в порыве заботы о больной сестре хотел показать мне какой-то фильм ужасов. Да-да, мой белобрысый ясноглазый братишка до смерти любит всякие «жутики». Но пока я не перестану «сморкаться как извозчик» – по выражению мамы, нечего ко мне заходить.

За окном быстро, по-декабрьски стемнело. Я думала о том, что скоро уже Новый год, и магазинах полно празднично сверкающей дребедени. Мне хотелось сразу всего. Валяться вот так на диване, завернув ноги в плед, – в блаженной болезненной слабости и заботе близких. И пошляться с Лариской по магазинам, нагрузиться невесомыми пакетами с ёлочными игрушками и мишурой, и какими-никакими подарками близким. Васька вон давно просит лампу-аквариум. Его, как и меня, манят глубины.

Я пробежалась по новостям моих друзей «Вконтакте». И вдруг... Моя одноклассница Дашка Сабирова скопировала к себе запись. Как теперь говорят – «перепостила».

Приют «Добрый след» писал об аховой ситуации в близком к нам селе Вишнёвка. Уже лет десять жил в этом селе одинокий дядька, за которым толпой ходили все местные собаки. Тогда о приютах ещё никто и не слышал. Бездомных собак просто отстреливали. И многие из них спасались у Виктора Ивановича на участке. Он же их и кормил, и платил соседям за погрызенных кур и прочие хулиганства своих подопечных.

Собачки у него были сытые и ухожены. Мало того, Виктор Иванович подкармливал всех бродяжек в округе. В Вишнёвке всякая животинка узнавала его машину издалека и бежала за ней, потому что знала: накормят. Он тратил на обездоленных собак все заработанные деньги.

А когда село стало застраиваться современными коттеджами, по соседству с Виктором Ивановичем появились престижная гостиница и ресторан. Соседство с лающим «хозяйством» вовсе не каждому по душе. Поэтому он был вынужден заняться обустройством собачьего приюта «за околицей». Продал – были у него – акции, набрал кредитов, выкупил землю. Там, где людского жилья нет.

Но трудно было ему одному. И на горе себе нашёл Виктор Иванович «помощников». Отыскал какую-то липовую организацию по защите зверья. Поверил ей, и отдал землю.

С этого и началось. Вот и картинки, и видео на страничке «Вконтакте». Они рассказывают – что там сейчас. Худящая собака рвётся с замотанной вокруг столба железной цепи. Лает. Воет. Её конура занесена снегом. Холодно, голодно и никак не убежишь, хотя бы погреться. И другие тоже – под открытым небом, бросаются к первому встречному с надеждой на еду. Щенки, замёрзшие, плачущие от голода и безысходности, дети собачьи. Они в железных клетках на промозглom полу. Какие-то ободранные вагончики, раскуроченные холодильники вместо будок. Сетка-рабица не дает вырваться наружу, только и остается, что на неё кидаться. Жуть... концлагерь для собак, которых кормят, раз в три дня.

А ведь их много. Больше ста. Другие городские приюты разобрали бы животных, но они сами переполнены.

– Возьмите хоть на время наших питомцев, – умоляют приюты, – Они чистые, здоровые, привыкли к людям. А мы на освободившиеся места привезём этих несчастных, будем их кормить и лечить.

С планшетом в руках я вышла из комнаты:

– Пап... мам... пусть у нас поживёт собака?

Его привезли в пятницу.

– Пёс классный, – говорила по телефону хозяйка приюта Елена Александровна, – Пусть он побудет у вас хоть временно, такому нетрудно найти хозяев. А мы на его место сейчас возьмём собачку. Там есть – маленькая, почти слепая, с девятью щенками. Как она их сохранила под этими досками-то, под развалами? Соски отморожены...

Привезли его два хороших человека, муж с женой – Юра и Надя. У самих полон дом животных, таких же подобранных. Четыре собаки, два кота. Хотя живут Мельниковы на съёмной квартире.

– Мы вот вам сейчас Барона передадим, – говорила Надя, – А сами поедем в Вишнёвку, вывозить собак. Хотя бы самых тяжёлых.

Юра вывел из машины пса. Был он большой, запоминающегося и немного смешного облика. Белый, гладкошёрстный, а уши шелковистые, рыжие, и лапы в рыжий горошек. Нос цвета молочного шоколада, а глаза очень яркие, с тёмным ободком, бабушка бы сказала – с поволокой. Широкая грудь, затаённая мощь, и вздымающиеся ребра, и обтянутый шкурой крестец.

– Он прежде у девушки жил, – рассказывала Надя, – А потом она уехала, а его оставила одного в квартире. Просто бросила. Он ждал, ждал, он вообще очень терпеливый, увидите... Но, в конце концов, соседи услышали, что кто-то скулит. Вызвали милицию. Собака уже от голода стоять не могла, падала... В приюте его подкормили немного... Он вообще очень порядочный собачек...

Барон держался неуверенно, и поглядывал на Юру с Надей, которых хоть чуть-чуть, но всё-таки знал. Что, они его тут оставят?

– Ну, давай знакомиться... – сказала я, присаживаясь перед псом.

Он был обучен хорошим манерам. Широким движением сунул мне на колени тяжёлую лапу. Я ощутила шершавые подушечки, каменной крепости когти.

Я знала уже, что до того, как попасть ко мне, он безвылазно сидел в клетке с другими собаками. Он думал, что так оно и будет до конца его жизни. Всегда так.

– Не уезжайте пока, я его сейчас при вас покормлю...

Я вынесла заранее приготовленную кастрюлю – огромную, куриного супа.

Барон стал есть ещё до того, как я опустила её на землю. Он не замечал больше никого из нас. Еда была важнее всего на свете. Он ел до тех пор, пока суп не кончился, и он не вылизал дочиста, до блеска стенки кастрюли.

Он поднял голову. Белые, как у поросёнка ресницы и янтарные глаза. Взгляд был потрясённым.

Потом я поняла, что у него всегда такой потрясённый взгляд, когда он видит еду.

Через несколько дней он ходил за мной тенью, и тихо рычал на каждого, кто, как ему казалось, повышает на меня голос.

– Бароша... Оборончик... это же все свои, – уверяла я.

Нет, он их признал. Он охотно клал большую тяжёлую голову на колени и папе, и маме, и Ваське. Млел, когда его почёсывали за ухом и щурил свои янтарные глаза. Но это всё – пока я в комнате. Стоило мне выйти, как он поднимался и шёл за мной.

Папа с Васькой соорудили во дворе будку.

– Хоромы, сам бы там жил, – сказал папа.

Будка была просторная, пахла свежим деревом, войлоком изнутри обита, и вход завешен. Натянули длинную проволоку, чтобы Барон мог бегать вдоль неё на цепи. Половина сада оказалась в его распоряжении. Но когда Барон понял, что мы все уйдем в дом, а он останется тут один... Мне кажется, он испугался, что мы не просто закроем за собой дверь, а уйдем из его жизни.

Он кинулся под окно кухни – цепь позволяла – положил лапы на подоконник и стоял так, заглядывая в окно. Стоял на задних лапах, пока мог, потом лапы уставали, он обрушивался на все четыре, отдыхал недолго и снова подымался, чтобы смотреть в окно, чтобы хоть так не терять нас из вида.

До вечера мы с Васькой занимались совершенно безобразным делом. То один, то другой подходил к окну, и, натыкаясь на молящий взгляд янтарных глаз, поднимал крышку со сковородки, чтобы взять котлету, или открывал холодильник, чтобы достать колбасу. Мы занимались «колбасометанием», чтобы утешить Барошу.

Но когда стемнело, а он все так же стоял на задних лапах, и глядел на нас, а я знала, что на улице -15, я не выдержала. Пошла и отстегнула цепь. Мне показалось, что я тетиву отпустила на луке. Бароша метнулся к двери, закрутился вокруг себя – ну что же ты, открывай скорей! И уже по-хозяйски ворвался в дом. С тех пор он спал возле моей кровати, и опустив руку, я тут же ощущала под ладонью его шелковистую голову, поднявшуюся мне навстречу, холодный влажный нос.

Отъелся он быстро. Он мёл всё – суп, кашу, хлеб – всё, что оставалось в доме съестного. Скоро рёбра на его боках перестали выступать, и пёс сделался по-настоящему могуч и статен. Ростом с крупную овчарку, налитый силой, широкогрудый...

Васька принёс картинку, изображавшую битву на Чудском озере, и сказал, что Барон чем-то похож на пса-рыцаря. И действительно, было в нём этакое... Форма морды, ее окрас – рыжие пятна вокруг глаз, «глазницы» – напоминали рыцарский шлем.

– От свиньи в нём что-то есть, – говорил папа, трепля Барона по холке, – Ишь, как жирком оброс. И нос большой, как пяточок у поросёнка. И ресницы, вон, какие белёсые.

Мы с Васькой закупили разной амуниции – ошейник с нарядными заклёпками, поводки короткий и длинный, и никто бы теперь уже не сказал, что Барон – приютская собака. Видя откормленного, ухоженного, явно любимого, улыбающегося во всю пасть пса, люди нас спрашивали:

– Какой он породы?

Скоро Ваське надоело отвечать «дворянин», и он стал гордо говорить:

– Риттерхунд.

Что и означало «пёс-рыцарь».

Вечерние прогулки мы нарочно приберегали на тот час, когда оба освобождались от уроков. Вместе веселее. Надо было видеть, как Барон и Васька гонялись друг за другом в парке, валяли друг друга в снегу! Ставший егозливый, как щенок, Барон подлетал ко мне, старался сорвать варежки

– Фу! – кричала я, пытаюсь казаться строгой, – Лошадь здоровенная, а всё туда же.

Однажды кто-то из прохожих угостил Барона пряником, и он, ещё недавно выхвативший бы угощение из рук, взял его на этот раз осторожно и вежливо. И несколько секунд обдумывал ситуацию. Перед прогулкой он уплёл целый папин пирог – с картошкой и курицей. Чувство голода уже позабылось ему. Но бросить еду было немислимо.

Он отбежал, несколькими движениями могучих лап глубоко разрыл снег, по-хозяйски опустил туда пряник, и мордой зарыл его, забросал снегом. Прodelал он это так быстро, что мы оглянуться не успели. Но зная Барона, я не сомневалась, что он запомнил свою «захоронку» навеки

Иногда ему все же приходилось сидеть на цепи. Когда ожидалась гости, которые могли испугаться такой большой собаки. И вот тогда Васька справиться с ситуацией не мог, а я с трудом. Барон отлично понял слова: «Идём миленький на цепь». Он садился, отворачивал морду, и упирался всеми лапами, как братец Ивашечка на лопате у Бабы Яги – лишь бы не идти в печь.

Только папе он покорялся, тот брал его за ошейник, и спокойно говорил:

– Пошли, брат, в наряд...

Но стоило гостям уйти, как мы слышали деликатное поскуливание со стороны будки: «Братья-товарищи, имейте совесть, не пора ли отпустить собаку?»

Я подходила, Барон исполнял лезгинку, но успокаивался, зная, что его, пляшущего, я отцепить не смогу. Он вспрыгивал на крышу будки, подставлял шею, замирал, ожидая, чтобы я отстегнула карабин. И – срывался как стрела с тетивы.

Но, когда я заходила на страничку приюта в Интернете, чтобы отослать фотографии Барона – там радовались, что он обрёл дом, – я снова видела клетки, глаза животных, ждущих решения своей судьбы.

А главное – новые и новые истории. Зима была очень холодной, и почти каждый день происходили случаи один другого трагичнее.

Помню, как впечатлила нас всех история собаки, сбитой машиной. Обычная собака, дворняжка. Жила вместе с другими сородичами возле завода, найдя себе укрытие в той рухляди, которая неизменно окружает строения человеческие.

Собаку сбили, и она три дня пролежала на снегу. Мимо ходили люди, они видели, что собака жива, но никто не останавливался, не пытался помочь. И только один из её друзей, маленький чёрный пёс сидел или лежал рядом, не бросал. В тридцатиградусный мороз стекленел рядом.

В конце концов, о собаке узнали приютские волонтеры. Видавшие виды девчонки растерялись. Они не могли погрузить животное в машину – лапы вмёрзли в лёд. Чёрный дружок отбежал и следил издали, как оттаивают лёд, поливая его теплой водой, как поднимают, уносят бедолагу...

Заморозка давала подобие анестезии. Но чтобы везти в ветеринарку лапы пришлось согреть. Они напоминали куски мороженого мяса из холодильника, не гнулись. Четыре часа грели – горячим воздухом из фена, тряпками, намоченными в воде. Обретя чувствительность, пёс стал в голос плакать от боли, и девчонки-волонтеры плакали вместе с ним.

Ветеринары тоже ужаснулись, и сказали, что шансов почти нет. От обмороженных лап почти наверняка начнётся гангрена. Но всё ж таки прописали лекарства, велели дежурить ночь. И если псина доживёт до утра, тогда уже можно будет делать рентген, и определять дальнейшее лечение.

Собаку, а при ближайшем рассмотрении, это оказался кобель, девчонки решили назвать Каем. Мальчик, замерзающий в чертогах Снежной Королевы. До утра они сидели возле него, не отходя, делали уколы, утешали, пытались накормить.

Утром врачи сказали, что сосудики заработали! Девчонки чуть не бросились друг другу на шею. Но рентген отнял последнюю надежду. Удар машины сломал позвоночник, полный разрыв нервов... надежды нет...

«Знаете, как это тяжело, – писала одна из девочек, – Брать на себя ответственность. До последнего утешать, держать за лапу, провожать на Радугу»

Так я узнала, что у животных есть свой рай – та самая Радуга, волшебный мост в небо, на зелёный луг, где они ждут своих хозяев.

Окна зарастали морозными разводами, так нарядно сверкающими в свете фонарей, мороз крепчал. Ночью я не могла уснуть. Барон дрях так, как спят собаки, когда им жарко: на боку, вытянувшись во всю длину, небрежно разметав лапы. А я представляла, как выживают последние мученики в Вишнёвке, как жмутся друг к другу, найдя приют в раскуроченных холодильниках, дырявых коробках, полусгнивших будках. Тела замёрзших животных горевладельцы сжигают на кострах.

Я думала обо всех собаках и кошках, не нашедших надежного убежища в такую ночь как эта, свернувшихся клубком, берегущим последние крохи тепла, о щенках, которых не могут согреть в своей обледенелой шерсти матери. И страшно было, что ещё так много зимы впереди.

Только что закончилась контрольная по математике. Я подумала о том, каким чудом буду в следующем году сдавать ЕГЭ? Нас обнадёживали, что экзамен изменят, разделят его на «профильный» – для тех, у кого в голове нормально крутятся шестерёнки, и кому математика нужна, и «базовый», для таких, как я. Которые даже основные понятия запоминают с помощью считалочек типа «биссектриса – это такая крыса, которая бегаёт по углам, и делит их пополам».

Даже Лариска с её «между четыре и три» рядом со мной Эйнштейн. И Ольга Геннадьевна наверняка попросит опять прийти мою маму, и мы вместе будем думать о том, что со мной делать. И опять не придём ни к какому результату, потому что, сколько бы я ни занималась, у меня такие антиспособности к этой науке, что остаётся надеяться только на чудо.

Мрачно я одевалась в гардеробе. Если у Лариски ещё были какие-нибудь сомнения – может, всё-таки четвёрка? То у меня иллюзий не оставалось. И если дома Барон, как всегда, кинется обниматься, то это будет уже классическая картина «Опять двойка»

А на улице было светопреставление. Нет, не мороз, не угадали. Наоборот, мерзкое подобие оттепели с пронизывающим ветром, и летящим в лицо не-разбери-пойми-что: то ли дождь, то ли снег. Я подняла воротник межсезонки, натянула на голову капюшон. Но ветер сёк лицо, и я так и брела, полу ослепнув, пока в грудь не ткнулось что-то жёсткое. Укололо даже.

– Возьмите, а? Возьмите...

Тоненький, ноющий голос. Я опустила глаза. Мальчишка, лет девять-десять. В руках книжки. Батюшки, Стивен Кинг! Я к нему, ой, как равнодушна. Помню, как прошлым летом в несусветную жару лежала дома на надувном матрасе, открыв все окна и устроив сквозняк. И читала «Воспламеняющую взглядом», изредка подцепляя вилкой с тарелки кружочки жареных кабачков, политых томатным соусом. У Кинга героиня тоже ела томатный суп.

Кинг... Вроде читаешь – и обычная жизнь, такая – как вокруг. Никаких бензопил, кровожадно врезающихся в тело, расчленёнки, бродячих зомби... Но его мистический ужас глубже. Ночью просыпаешься, и ловишь себя на мысли, что боишься идти в туалет. Это ведь надо открыть дверь, пройти тёмный коридор... а в темноте подстерегает всякое...

У мальчика в руках – бааа... Целое богатство. «Кристина», «Кладбище домашних животных», «Роза Марена».

– Сколько?

Мальчишка, верно, давно маялся с книжками, даже не поверил, что я спрашиваю всерьёз.

– Двести рублей, – и смотрел по-собачьи, готовый сбавить цену, лишь бы я не ушла.

– Сколько-сколько? – переспросила женщина, подошедшая вместе со мной.

– Двести, – он переводил взгляд то на меня, то не неё.

– Отдавать три хороших тома за такие деньги – это кому-то понадобилась бутылка водки. И тебя послали – так, ребёнок? – сказала женщина. И спросила у меня, – Вы непременно хотите взять эти книги? Что-то мне интересно взглянуть на товарища, который свою библиотеку распродаёт. Что случилось? А вот так, за бесценок покупать – грабителем себя чувствуешь.

Женщина невелика ростом, мелкие черты, прищуренные светлые глаза. А волосы совсем короткие, как у мальчика, с сильной проседью.

– С вами можно? – спросила я.

– Отведёшь нас, ребёнок? Да не бойся, мы купим книжки. А может, еще поможем чем?

Мальчишка поколебался, но недолго. Наверное, он порядком простоял тут с книгами, но желающих взять не нашлось. А мы не вызывали опасения – девчонка со школьным рюкзаком и худенькая женщина.

Привёл он нас в соседний двор, к девятиэтажке. Постучал в окно. Мы догадались, что и ключа от подъезда у него нет. Из окна никто не выглянул.

– Подождем маленько, – шмыгнув носом, сказал мальчишка.

Только минут через десять попали мы в подъезд. А вот дверь квартиры оказалась не заперта. Мы вошли осторожно, как туда, где нас не ждут.

В комнате, на постели, лицом вниз лежал могучий мужчина в тельняшке. Я видела затылок, светлые, как у моего Васьки волосы. Человек тяжело спал. Рядом с постелью стояла табуретка, превращённая в столик. Огромная, полулитровая кружка очень крепкого чая. Полная пепельница окурков. Кусок почти засохшего хлеба. И почти опустошённая бутылка водки.

– Как его зовут? – спросила женщина, понизив голос.

– Дядь Миша...

– Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня... Да это не Мишка, это целый медведь. И давно он так?

– Два дня уже...

Поняв, что дядь Миша пребывает в состоянии анабиоза, и не может заметить нашего присутствия здесь, я оглянулась. Когда-то было в этой комнате подобие уюта. Вон и сервант, старенький правда, но ещё аккуратно расставлена в нём хрустальная посуда. И фотографии.

– Меня зовут Анна, – женщина тоже подошла посмотреть снимки.

– Да это же наша школа, – вдруг сказала она, – Конечно, она... Интересно, какой год? Видишь, вот класс, а в центре учитель наш, Святослав Фёдорович, физик. Его потом убили. Он подвозил кого-то на машине поздно вечером. Набросили шарф на шею. Задушили. Уродов тех так и не нашли... Я тогда уже закончила школу, но ходила на похороны. Как девчонки плакали!

Я же приклеилась взглядом к другой фотографии. У папы тоже такие есть. Форма никаких сомнений не оставляла...

– Он часто пьёт? – спросила Анна мальчишку, и какая-то особенная, тихая печаль была в её голосе.

– Нет... Он часовщиком работает. Дядь Миша очень хорошо часы чинит. Любые. Хоть с маятником, хоть которые на руке. Знаете, будочку напротив ресторана? Просто у дядь Миши нога покалеченная. Он говорит – когда совсем больно, тогда и пьёт. А я думаю, что не так больно ему, как тошно, – заторопился мальчишка, – Заработаешь-то сейчас мало. Люди часы носить перестали, на телефонах время смотрят. А кто носит копеешные, так если они сломаются – выкинут и новые купят. А у дядь Миши, только что... работа... и с палочкой до дома доходит... Нет у него никого. Я только прихожу, Борька приходит...

– Позвоню-ка я сейчас в больницу знакомому врачу, – сказала Анна, – И попрошу прокатать такого хорошего человечка.

– Не надо, – сказала я.

Достала телефон и набрала папин номер. Но мне не повезло. Папа был на совещании. Подумала минутку, и набрала другой. Дядя Алёша ответит, даже если он на уроке. И я слышу его голос:

– Здравствуй, Инга.

Он всегда и ко мне, и к своим ученикам относится с таким уважением, будто мы взрослые. И такое отношение надо оправдывать.

Когда он пришёл в школу на место тётки, которая прежде преподавала физкультуру... И которую никто не то что не любил, но даже не уважал... Он вспоминал потом как расхлябанно стояли ребята на линейке. Мол, ну чё, ещё одно недоразумение притопало... Плевать нам на все его уроки. Командир нашёлся!

Дядя Алёша скомандовал:

– Налево... бегом марш!

И сел заполнять журнал.

Когда он через пять минут поднял голову – не бегал никто. Одни мальчишки валялись на травке школьного двора. Другие держались за бока – мол, прихватило – и рады бы побегать, да никак. И что ты, командир, с нами станешь делать?

Дядя Алёша ничего не сказал. Снял очки. Аккуратно положил на открытые страницы журнала. Подошёл к турнику и начал подтягиваться. Пять раз... мальчишки стали подниматься, подошли заинтересованно, считали вслух. Десять... Двадцать пять... Спрыгнул.

Подхватил чей-то, даже на вид тяжелый рюкзак, надел на плечи. И побежал. Размеренно. Спокойно. Никому, ничего не доказывая... Мужик. Через некоторое время ребята стали пристраиваться в цепочку за ним.

– Алексей Иванович, вы заняты?

– Нет, у меня два окна сейчас. Я тебе нужен?

– Алексей Иванович, вы не можете подойти... – я продиктовала адрес, – Хорошо бы и папу прихватить, если он освободится.

– С тобой ничего не случилось? – каждый из них всегда опекал детей друга, если того не было рядом.

– Ничего. Но я вас очень жду.

Они пришли через четверть часа, оба. Не стали звонить, неслышно вошли в квартиру, два немолодых уже мужика. Но в их присутствии мне всегда становилось спокойно.

– Пап, вы его знаете? – спросила я.

И, прежде чем они разглядели человека, неподвижно спавшего у стены, сунула им под нос «афганскую» фотографию.

Папа присвистнул тихонько, а Алёша Литошин поправил очки, присел на край постели, и положил руку спящему на плечо, встряхнул его осторожно.

– Ну, здравствуй, товарищ Кравченко...

Теперь можно не волноваться. Алёша умеет всё. Соседи по подъезду зовут его делать уколы, навыки санинструктора не забылись. А уж папа...

Дядь Мишу будто толкнуло что-то. Он резко сел, и смотрел на неожиданных гостей.

– Лёха... – он потряс ладонью перед лицом, точно прогоняя видение, – Лёх, ну не может этого быть...

– Может, – подчёркнуто спокойным голосом сказал Алёша. Так он разговаривал с учеником, неизбежно тянущим на двойку. Но я чувствовала – ещё несколько мгновений и всё изменится.

– Лёха, откуда ты здесь взялся?!

И когда они стиснули друг друга так, что захрустели косточки, я тихонько поманила за собой Анну. Больше нам здесь нечего было делать.

Мы вышли на улицу, и побрели, проваливаясь в снежную кашу. Погода стала еще более отвратной. Не очень холодно, но ветер сечёт лицо, и просто не чаешь дожидаться минуты, когда, наконец, закроешь за собой дверь.

Анне приходилось ещё хуже, чем мне, потому что я нашим бездорожьём была приучена, и без высоких сапог из дома не выходила. И шапка на мне была, а у Анны волосы трепал ветер, наметал в них не знай, чего – то ли снег, то ли капельки дождя. И Анна меня, наверное, по себе меня пожалела.

– Бедное ты дите..., – сказала она, искоса взглянув на меня. А я тоже прятала подбородок в воротник пальто, – Куда-то тебе еще брести...

Анна расспрашивала меня, в какой школе я учусь, в каком классе, что из предметов нравится, чем я ещё люблю заниматься. ... Это были обычные вопросы взрослых, но с её стороны я чувствовала подлинный интерес. И, как потом убедилась, она не забывала ничего из того, что ей рассказывали.

– А вы где работаете?

– Я... в газете работаю, – рассеянно сказала она, – «Свободный город». Редакция на площади Свободы, возле Вечного огня. Заходи в гости. Анна Баратынская. Впрочем, пойдём ко мне прямо сейчас. Погода мерзейшая, у меня есть пельмени, хоть горячего похлебаем

В самой этой формулировке было что-то родное. Так папа говорил. Так говорил Саша. Господи, когда же я, наконец, доберусь рассказать о Саше?

Без выпендрёжа, без красивых салфеточек. У нас есть такая девочка в классе, Ангелинка. Высокая, крупные черты лица. Идёт всегда по коридору как королева. И она очень гостеприимна. Если какие-то классные праздники – то у неё собираемся. Огромный дом и огромный сад по-над Волгой. Барбекю и мохито. Элита.

А тут – пойдём, похлебаем горячего, чтобы не заболеть.

Анна отперла дверь. Навстречу нам по коридору шёл кот. Обычный серый кот. Но у всех котов такой вид, будто им все вокруг должны по жизни. А какие заслуги-то у них? Только что мурлыкают, чистые и не пахнут. Мышей в нынешних квартирах нет... Кот сощурил глаза. Ему даже лень было отчитывать Анну за опоздание. Сама должна знать. Он повернулся и пошёл по коридору, высоко неся хвост.

Она уловила это с полуслова.

– Ишь, старик Каренин. Не комильфо я себя веду. А сам дела свои справляет на телевизор, на программу.

– А там всегда лежит программа? А если ее убрать? – заинтересовалась я.

Анне такая мысль, по-видимому, не приходила в голову.

– Всё равно, наверное, будет... Запах же до конца не истребить, – задумчиво сказала она, – Я же не могу залить телевизор хлоркой.

– Вообще-то у кота здоровое отношение к нашему телевидению. А уберите всё-таки программку-то...

– Не факт, что я её потом найду. В этом доме всё куда-то девается.

Она скинула сапоги, и я увидела, что у неё совсем промокли ноги.

В комнате во всю стену – стеллаж с книжными полками. Опять я почувствовала душу родную. Сейчас тома все больше выбрасывают: освобождают место от допотопных «средств информации». Мы с Васькой недавно притащили книги с помойки. Их там нельзя оставлять, как котят или щенят, они такие же беззащитные. И какие книги! «Маленький лорд Фаунтлерой», «Маленькая принцесса» про девочку Сару Кру, подружившуюся с крысой.

Анна прошла на кухню, поставила кастрюлю на плиту. Положила на стол пакет с пельменями.

– Когда вода закипишь, бросишь? Я замёрзла чего-то...

Она надела тёплые носки и прилегла на кровать. Закуталась в плед. Я знала это чувство, когда никак не можешь согреться. А когда всё-таки согреешься – неодолимо клонит в сон. И так было жалко будить её... Я высыпала уже в кипяток пельмени. Поискала луковку и лавровый лист, так всегда варил пельмени папа. У Анны ничего не было. В шкафу сиротливо стоял пакет с пшеном. Следующий раз она скажет:

– У меня есть сахар, давай пить чай.

Когда мне всё-таки пришлось её разбудить, она жёстко отёрла ладонями лицо, благодарная судьбе за эти полчаса отдыха.

– Как же хорошо... Тарелку... подожди, ты вторую не найдёшь. Но у меня есть мисочка. Всё я об этом дядьке думаю. Вот так мы – не пожалеем, не подойдём к упавшему. Может, к женщине только, а к мужику – точно нет. У меня отец так четыре часа лежал на автобусной остановке. Инфаркт. Люди спохватились, когда дождь пошёл, а он не шевелится. В приёмном покое умер..

– Как будем Новый год отмечать? – спросил Червяк.

Была большая перемена. Из столовой мы стянулись все в актовый зал. Он был в пристройке. Полутёмный коридорчик, несколько дверей... Классы. Тут проходили уроки труда. Помню, как лет в десять мы делали бутерброды, украшали их мухоморами – из помидоров и майонеза

А потом Тамара Михайловна распорядилась, чтобы мы нагрузили тарелки и угостили мальчишек в соседнем классе. Но что они могли взамен дать нам? Они разводили руками. Мастерили тогда ножки для табуреток.

Мы сидели и перебирали варианты новогодья. Конечно, на крайний случай всегда можно собраться в школе. Но неужели мы не придумаем чего-нибудь интереснее?

– В аквапарк, – мечтательно вздохнула Ленка, – Везде мороз, а мы как на Гавайях. Там же потом и посидим в кафе.

Я видела, как глухо замолчали Червяк, Кисель. Им-то денег на аквапарк никто не даст.

– У меня? – предложила Ангелинка.

Ага, а в одиннадцать часов выйдет её мама – до приторности ласковая. Захлопает в пухлые ладоши:

– По домам, по домам... Милые дети, я за вас отвечаю.

Если попроситься в национальный парк, у которого есть свой приют... Там недорого, потому что из всех удобств – только нары. Но рядом есть наблюдательный пункт, можно, спрятавшись в крошечном, точно детском, бревенчатом теремке, посмотреть, как звери выходят из леса. Кабаны, зайцы, лоси. А волк в парке остался один. Подросток. Его зовут «Тинейджер». У него очень острый нюх, и он никогда не подходит близко. Только воет тоненько и жалобно, как беспризорник: «Позабыт-позаброшен, с молодых юных лет...»

У меня был свой подарок от судьбы: концерт во Дворце культуры, и Славка уже передал билет – серебряный листочек с чёрным гитарным грифом и снежинкой.

– Ты поедешь? – спросил Червяк.

Я вспомнила об этом его вопросе, когда ехала к Анне. Знала её газету. Она была по-своему знаменита, и ещё очень молода – года три, не больше. Редактор, Валера Петров, красивый парень, похожий на Ваню Урганта. А работали там, в основном, молодые ребята, примерявшие на себя то, о чём писали.

Рассказываешь о нелёгком труде почтальона – так походи недельку с почтальонской сумкой на плече по подъездам и дворам со злыми собаками. Повествуешь о настоятеле сельского храма, который учит мальчишек старорусской борьбе? Собирай рюкзак, поживи с ребятами в их летнем лагере при храме, послушай, о чём они говорят, о чём мечтают.

Только тогда напишешь правду.

И они никогда не забывали своих героев: «Ты в ответе за тех»....

– Помнишь, рассказывала мне про приют? – спросила Анна, – Откуда взяла собаку? Нынче позвонила Елена Александровна. Там сейчас очень тяжело, каждые руки на счету. Если есть возможность – съезди, помоги. Вот телефон.

– Хорошо, только послезавтра.

Мы собирались во Дворец культуры, на новогодний вечер. Приглашение, переданное мне Славкой, было на две персоны, второй из которых могла быть только Лариска.

Я очень любила у неё бывать, и пришла с самого утра, чтобы никуда не торопиться. Лариска в семье – единственный ребёнок, родители целый день на работе, никто нам не мешает.

– Давай покрасим тебе волосы, – предложила Лариска.

Кто знает, отчего девчонки так любят краситься? Может быть, к старости, когда уже полголовы будут седые, нам безумно надоеет возиться с этими тюбиками. Но пока упоительно! Будто новым человеком становишься. В другой образ входишь.

Лариска загнала меня в ванную. Краситься разумнее всего там, чтобы сразу смыть потёки, если перепачкаешься. Подруга пообещала, что в итоге я буду «бургундского» цвета. Вспомнился старый фильм «Тайны бургундского двора» и я возжелала стать хоть немножко похожей на главную героиню, которая очаровала самого Жана Марэ – рыцаря без страха и упрёка.

Краска пахла весной и цветущими ирисами. Я сидела в ванне, в облаке белой пены, которая всё росла и росла под струёй воды. Я сделала из пены сверкающие рукава бального платья, и совсем уже представила себя красавицей прошлого века. Которая поразила бы Славку, и его аристократическая челюсть клацнула, если не о колено, то о любимую гитару.

...Не знаю, что такое «бургундский», но волосы получились тёмно-рыжие. Пока я сохла, Лариска раскрутила свои бигуди, став похожа на тонкорунную овечку, и занялась моими косами. Уложила их в высокую причёску. Когда ходишь с такой, чувствуешь, будто у тебя на голове – корона.

У меня в комнате – книги, книги и ещё раз книги, собачьи поводки, намордник старый, который Барон сжевал от обиды, что ему, порядочной собаке, пришлось носить эту дрянь, и намордник новый – а куда денешься? Мешок сухого корма, которым втихую, лакомятся еще и коты, погрызенная обувь, с которой нужно решить, что делать – отнести сапожнику, или всё-таки выкинуть. А у Лариски баночек-тюбиков-щёточек на туалетном столике, как кот Матроскин в известном мультике говорил: «Завались»

Чтобы я окончательно похорошела, подруга намазала мне лицо какой-то липкой жидкостью, а сама уселась перед зеркалом наводить марафет. Мне же велела полчаса не шевелиться, и не разговаривать.

Через некоторое время я поняла, что разговаривать не смогу при всем желании – лицо стянуло намертво. Я испугалась, что Лариска, увлечённая своим левым глазом – она раскрашивала веко семью цветами с упоённостью художника-импрессиониста, а к правому глазу ещё не приступала, позабудет про меня. И со мной приключится что-то вроде того, что с тётенкой

в парикмахерской, которой передержали «долгоиграющую» завивку, и смыли «химию» вместе с волосами. А я, наверное, буду напоминать не средневековую красавицу, а героя фильма «Без лица»

– Э-э... – в конце концов, замычала я, как глухонемой.

– Что тебе? А-а... – подруга подошла и стянула у меня с лица что-то вроде полиэтиленового пакета.

После таких беспрецедентных хлопот, вышедши, наконец, из Ларискиных умелых рук, я чувствовала себя нарядной куклой из коробки. Причёска, платье чёрное в облик, туфли с собой – в пакете. Такую меня – только в подарок вручать.

Но беда... умела бы я обо всём этом помнить. Сидим мы в концертном зале, на бархатных креслах. Лариска юбку разгладила, разложила красивыми складками, новые колготки шуршат – стоит прикоснуться к коленкам. Она ни на минуточку не забывает, какая она вся красивая-парадная.

А у меня тут же начинает сочиняться история. В таком зале сидели заложники «Норд-Оста». Если бы на нас тоже напали террористы, и никто не знал как нас спасти... Только усыпить незаметно, и потом уже освобождать... И вот тонкими струйками течёт в зал невидимый смертоносный газ, я засыпаю, вместе со всеми... Но всех не спасут – потому что спасительные лекарства надо вкалывать сразу, а людей много, и помощь не успеет... Но Славка выносит меня на руках... Это так красиво, когда несут на руках...

– Эй, – Ларискины прозрачные зелёные глаза прямо передо мной, – ты о чём думаешь?

Концерт начинается. У нас много талантливых ребят, честно. Мне вообще кажется, что нет в природе ребёнка, в которого Бог не заложил бы нечто. Кто-то находит своё счастье в танцевальном зале. Настоящее счастье – он упоённо будет в двести пятьдесят пятый раз выписывать ногами эти кренделя, которые другому повторить – в наказание. Кто-то поёт и не может не петь...

Есть таланты более незаметные – например, в школе наш Кисель разговаривает в животными на одном языке. Если присмотришься, то с ума сойти, что такое... Я ещё не видела кота, который, если Кисель к нему обратится, или положит руку на башку, не полез бы нежно тереться о него носом, не постарался запрыгнуть на плечи, не заговорил бы с ним, гнусаво или звонко проговаривая «мама...», потому что «папа» коты говорить от природы не могут...

А собаки бегут за ним, провожая по всем делам, и лают, и рассказывают ему что-то, и заглядывают в глаза, и царапают тяжелыми когтями штаны, лишь бы Кисель обратил на них внимание... И когда он идёт – маленький, чёрный, а вокруг его ног вьются собаки... я понимаю, что у этого человечка зла в душе ни на йоту, а одно сплошное добро.

Счастье, если попадётся ребёнку учитель, который хотя бы его не испортит, сохранит бережно всё лучшее в нём. Совсем мечта – чтобы учитель стал примером, высотой, до которой хочется дотянуться.

Была у нас девушка, Ирина. Учила ребят рисовать на песке. Если кто не видел – волшебное зрелище. Вот на таком же концерте мы смотрели – то, что Ирина творила несколькими движениями пальцев – транслировалось на экран. Один образ перетекал в другой. Нарисует глаз. И вот из него уже рождаются барханы, пустыня, верблюды... нет, это всходит солнце, и наши горы по-над рекой. Колдовство, все мы сидели замороженные.

Другое дело, если наставник считает себя вершиной, и всем говорит: «Делай как я». Тогда пиши пропало. Не ребёнок выходит, а попугай. Декламирует стихи, а о чём они – не чувствует. Интонации фальшивые, режут слух, как расстроенный инструмент.

И вот сейчас первыми выходят воспитанники одной такой дамы... Читают стихи. Я прикрываю пальцами уши. Милые мои, это она сама – кликуша первостатейная – научила вас так взвизгивать в микрофон?

А следующие... Любовь моя! Есть у нас в городе такая семья: мама с папой родили пятерых детей – льняные волосы, голубые глаза. Девочкам можно играть Снегурочек, а мальчикам – пастушков Лелей. Но мама с папой не успокоились, и ещё пятерых взяли из детдома. Получился дома целый ансамбль. Родители помешаны на бальных танцах...

И сейчас на сцену выплывают в сдержанном торжестве, в кружении вальса, одна за другой – три пары... Я узнаю только самую маленькую из девочек – Аурику. Гладко зачёсаны золотые волосы. Но какое изящество, в каждом движении – у всех!

Песня-печаль. Дальняя даль.

Лица людей простые...

Вера моя, совесть моя,

Песня моя – Россия.

Время дает горестный бал

В Зимнем дворце тоски.

Я прохожу в мраморный зал

Белой твоей пурги...

...Но когда объявили Славку, он вышел совсем не торжественно. Мне показалось, он так ушел в себя, что забыл о зрителях. Будто в зале никого нет. Вечерняя репетиция..

Ему несли стул. Он сел, и каким-то особенным движением устроил на коленях гитару. Так мать склоняется над ребёнком.

Лариска даже ничего не спрашивала, она поняла, кто это. И сжала мою руку.

Сказали, конечно, что Славка будет играть, но я прослушала. Наверняка не какой-нибудь сложнейший техники «этюд номер»... Он вышел не поразить нас мастерством. Но – дарить. Он встряхнул головой, и охватил пальцами гриф.

Я думала, чудо бывает лишь раз и не повторится. Но оно повторилось, потому что играл – он.

Лунная ночь на реке. Серебряная дорожка, дрожащая на едва заметных волнах, шелест листьев, чёрных в этот час. И одинокий голос. Душа заговорила. Рассказывает об этой красоте так, будто первые видишь её, и такая она щемящая, красота этой лунной ночи – до слёз... И жизнь кажется такой короткой – не наглядеться. И так много уже прожито...

Кажется, не только я, все вокруг забыли, что концерт, люди кругом... «Да что ж это я? Ради чего живу? Чем я могу послужить этой красоте?» – спрашивал каждый себя

Он снял руки со струн...

И опять мне представилось... Мы выходит из зала к наряженной ёлке. Тысяча огоньков, сверканье дождя и игрушек... Славка приглашает меня танцевать. С ним бы я решилась даже на вальс, такой, как танцует Аурика. Ерунда, что я не умею танцевать! Мама рассказывала, она тоже не умела. Но когда в училище был вечер, там играли вальс. И когда папа пригласил её – она не могла ему отказать.

– Я его просто слушала... Его руки... Его движения... Я за ним будто летела... В его руках... Все думали, что мы оба отлично танцуем. А я просто была его тенью.

Я хотела быть Славкиной тенью.

Когда всё кончилось, я нарочно заняла очередь в гардероб так, чтобы быть одной из последних. Стояла вполоборота к лестнице. Я как-то не могла сомневаться, что он сейчас спустится. Мы должны были увидеться!

Он вышел из бокового коридора. Разговаривал с высоким парнем, ещё выше него. На шее у парня висел фотоаппарат. Когда они приблизились, я услышала, как Славка спрашивает о съёмке, видимо, он сам увлекался этим делом. Оба были поглощены разговором.

Лариска вынула у меня из руки номерок, и через пару секунд сунула взамен шубку. Искусственный синий мех, очень мягкий. Я любила эту шубку – и за цвет (наверное, в душе

все любят синий и голубой, цвет неба и воды, жизни), и за то, что когда её шили, ни одно животное не пострадало.

Славка заметил меня, и подошёл с улыбкой. Он немедленно взял шубку, и стал держать её, чтобы я вдела руки в рукава.

– Понравилось? – спросил он с улыбкой.

– Ой, вы были лучше всех! – искренность Лариски была такой, что незнакомые люди от неё шарахались. А потом привыкали.

– Нет, вы вправду самый лучший на свете, – торопливо продолжала она, – Сперва кажется – все молодцы... Но когда вы вышли – это ж просто мороз по коже...

– Ну, нет, – засмеялся он, – По-моему, это летняя ночь, лунный свет...

Я обомлела. Оказывается, он увидел то же, что и я...

– Вы на машине? – спросил он, и тут же поправился, поняв, что об этом не стоило и спрашивать, – Подождите меня пять минут, я вас отвезу.

Мы стояли у окна в опустевшем вестибюле, и ждали его. За окном была площадь, почти безлюдная, час поздний. Только разноцветные огни от нитей гирлянд, протянутых крест-накрест. И перезвон колоколов на часовне Николая Угодника. Здесь было автоматическое устройство, и колокола звонили каждые полчаса.

– Ох, Инга, – вздохнула Лариска.

Я видела, она тоже очарована Славкой. Но не его игрой, а тем, как он высок, красив, как разговаривает с нами. Я знала, что она никогда не покусится на чужое. Если со Славкой её познакомила я – она может им только восхищаться со стороны, отвлеченно. Как картиной. Для неё он – мой. Хотя на самом деле – он свой собственный.

– Я готов, – Славка сбегал по лестнице откуда-то с верхних этажей. На нём была лёгкая чёрная куртка с меховым воротником, распахнутая. Видимо, он никогда подолгу не был на холоде, не мёрз на остановках, ожидая автобуса.

Как овечки мы пошли за ним к машине. Она была большая, тёмно-серая. Славка распахнул перед нами дверцу... Как же тепло было в салоне. А «за бортом» все минус тридцать, наверное.

– А вы где живете? – Славка обернулся к Лариске.

– Чуть дальше, чем Инга... Последняя девятиэтажка перед городским пляжем.

– Понял, – он мягко тронул машину с места.

– А вы долго учились играть? – спрашивала Лариска.

Мне показалось, он задумался на несколько мгновений.

– Меня об этом пытали журналисты. Я тогда говорил про музыкальную школу, про педагогов... Но на самом деле... У меня бабушка – балерина. А люди искусства, они, как правило, не только своё, но ещё что-то умеют. У бабушки над постелью висела гитара с большим голубым бантом, бархатным... Бабушка пела романсы... И вот, сколько я себя помню... малышу нельзя давать инструмент – хорошо, если только расстроит, но ведь и струны порвать может... Но бабушка так меня любила, что не могла отказать. Снимет гитару, положит на постель... Мне тогда даже не хотелось взять её по-настоящему, чему-то научиться. Я стоял перед ней на коленках, трогал струны, и слушал, как они звучат.

А потом... нет, я не был фанатом. У меня есть друг, он решил научиться играть уже взрослым. Так сказать, штурмом. Играл каждый день до поздней ночи... Пальцы изрезал в кровь. Ночью ставил у кровати ведёрко с холодной водой, держал там руку... Мне как-то легче давалось... наверное потому, что всегда, сколько я себя помню... мне ничего не интересно кроме этого.

– А вы часто выступаете? – снова Лариска.

– Я это не очень люблю. Нас в школе заставляют – концерты, городские праздники, вот, вроде как сегодня... Но я даже когда играю сам – слушаю, – и совсем уже засмеялся, – Нет,

не так. Я даже когда не играю, у меня в голове постоянно звучит музыка. А уж если ноты просматриваю....

– А куда вы после школы?

Он обернулся, но взглянул не на Лариску, а на меня. Или показалось?

– Разные варианты. Скорее всего, консерватория в Москве. Меня там слушали, зовут. А может быть...

Он не договорил, задумавшись...

Дорога была почти пустынная, и к моему дому мы подъехали быстро. Славка больше ничего не ждал – ни каких-то моих ответных слов, ни договора о новой встрече. А я стояла и ещё долго смотрела вслед красным огонькам машины, не замечая, что щёки стали совсем бесчувственными от мороза.

Оставалось три дня до Нового года, и нечего мне было ехать в собачий приют. Но Анна позвонила ещё раз, напомнила. Она сказала, что хорошо знает тамошних девочек, и в первую очередь, хозяйку приюта, Елену Александровну Асташину. Что там всегда аврал и нечего мне сачковать.

Ехать нужно было далеко – на двух автобусах с пересадкой. Позади остался город, и почти все заводы. А потом я ещё плутала, отыскивая «тот самый переулок», пока о местонахождении приюта не известил многоголосый собачий лай.

Металлический забор, окрашенный зеленой краской. Большая часть её облупилась, висела махрами. Я прижалась лицом к щели меж створками ворот. Заглянула внутрь. Во дворе бродило штук двадцать собак. Самые обычные дворьеры. Конечно, они меня тоже заметили – кто-то недоверчиво залаял сразу: «Внимание, к нам приближаются враги!» Кто-то подбежал к щели – обнюхать. Даже хотелось, чтобы псы лаяли громче, потому что звонка возле ворот не было.

– Ну, позовите... – просила я.

Из деревянного вагончика вышла светловолосая женщина в чёрном комбинезоне и отперла дверь. Она была маленькая ростом, красивое лицо. Изящная такая... Ей бы и работу подходящую, А она стояла передо мной в резиновых перчатках, на шее висела медицинская маска.

– Ты Инга, да? – догадалась она, – Мне Анна Баратынская о тебе говорила. И ты ведь нашего Барона взяла, правда? Ну, как там Барошка поживает?

– Привет вам от него.

– Ну да, – рассмеялась Елена Александровна, – Ты дома переоденься. А то он наш запах учует, кошмары приснятся. Бездомную жизнь вспомнит.

Я уже шла вслед за ней в вагончик. Собаки лаяли, но по-иному. На меня им стало наплевать, она радовались, что видят хозяйку, и просили обратить на них внимание. Справа в клетке сидел щенки. Совсем маленькие, не в шерсти, а в младенческом пуху ещё, разных цветов. И даже они, несмышлёныши, затыкали на разные голоса, увидев Елену. Не иначе, мама родная.

– Знаешь, есть собаки, которым и в приюте неплохо. Вот Принцесса, например, – Елена Александровна потрепала по шее рыжую собачку, которая увивалась у её ног. – А Барошка, нет... Он домашний по натуре... Люди думают, большой – значит опасный. А он добрейший мальчишка по природе своей.

– Ой, у меня в сумке сосиска, – вспомнила я про забытый хот-дог, – Можно щенкам дать?

У Елены жалостливо сошлись брови на лбу:

– Ни в коем случае! Для них сейчас только диета. Знаешь, где мы их нашли? В лесу кто-то выкинул... Шли лыжники и выбегают им навстречу организованной толпой вот эти дети.

Какая-то дрянь их выкинула... В мороз... Семь штук. Голодные, лапы обморожены, худющие, инфекций уже нацепляли – выше крыши. Мы сейчас для них рисовый бульон варим.

Деревянный вагончик оказался изолятором. Здесь тоже были собаки. Робко тянулся к нам маленький серый пудель, совсем слепой, старый. За перегородкой, на матрасиках спали, не поднимая голов, две больные собаки. В клетке над ними сидела новенькая кошка – чёрная, с изумрудными глазами. Смотрела мрачно на это безобразие – засилье собачье. Еще один пёс – большой, с каким-то кожным недугом – «тыл» его был весь лысый, тянулся к пакетам – спря- танным под столом.

Высокая, очень красивая девушка, одетая совершенно так же как Елена – комбинезон, перчатки, маска – приветливо кивнула мне, и сразу:

– Елен Санна, что ещё в кастрюлю закладывать?

– Сейчас, подожди, – Елена открыла маленький холодильник, и стала вынимать продукты, – Там, где рыбный суп, вот эти головы рыбы положите. А для остальных – вот это, это... – она стала грузить куски в ведёрко, которое держала девушка, – нам, Каринка, сейчас главное щенков накормить.

– Погодите, значит, я сперва курицу варю, потом вылавливаю её, и закладываю рис... Минут двадцать пусть кипит, да?

– Ага, и возвращайся скорее – будем прививки щенкам делать, одна я их не удержу.

Кроме ведёрка Карине нужно было нести ещё два пакета. Их подхватила я:

– Давай, помогу...

Елена Александровна одобрительно кивнула.

И мы пошли. Нет, одна за эту загородку я бы точно не решилась войти. Все собаки тут же к нам бросились, но до меня им уже дело не было, они вились вокруг Карины и еды.

Карина открыл дверь в сооружение наподобие ангара. Мама дорогая! Я-то думала, что увидела уже всех приютских собак. Но здесь... Во всю длину ангара в три ряда стояли клетки. А кое-где и в два этажа. И в каждой сидело по две собаки. И запах здесь был – к нему надо привыкнуть! И лай поднялся такой, что заложило уши.

Позже, когда я пригляделась и освоилась тут, я поняла, что и сама Елена Александровна, и девчонки-волонтёры каждую свободную минуту моют, чистят и скребут клетки, подстилают свежие газеты. Что все псы сыты и здоровы. Но тогда я видела лишь сумятицу – морды, уши, хвосты, оглушительный лай, вдыхала тяжёлый терпкий запах. К тому же, мне казалось, что вот сейчас звери вырвутся из клеток и разорвут меня на клочки.

А ведь тут были только мелкие и средние собачки. Мы шли к большим.

Через ангар мы вышли во двор, к вольерам... Под навесом было сооружение вроде большого мангала. Тут, на огне, парень в одной майке готовил на еду. Во всю его руку вилась татуировка – разноцветный дракон.

Карина сгрузила свою ношу, надела маску, и взяла дуршлаг.

– Пройдись пока, посмотри, познакомься, – сказала она мне.

Я двух шагов не успела отойти от них. На пути стояла ванна, на дне её покачивались утонувшие крысы.

– Да, забегают иногда.. Сейчас уберём... Да не бойся ты, иди... ребятки у нас все добрые.

Я шла вдоль вольеров и смотрела им в глаза... Клетки небольшие, в каждой – по две будки со скудными матрасиками. Я уже знала, что никаких волонтёров не хватит, чтобы вывести хоть раз в день триста восемнадцать собак, именно столько их было на тот день в приюте. Да и куда выводить – вокруг заводы, заборы, машины... И собаки сидели в клетках неделями, ожидая, пока до них не дойдёт очередь. Чтобы размять лапы. Увидеть что-то кроме своих дощатых стен и куса двора. Все их впечатления были – общаться с соседом по клетке, перелазить с теми псами, что напротив. Да ещё дважды в день подходили люди, открывали клетки, наливали суп в миски.

Каждый день люди ломали головы над тем, как обеспечить этот самый суп. Приют существовал за счёт пожертвований. Кто-то из сочувствующих переводил деньги на его счёт, кто-то привозил еду или лекарства. А у мальчишек и девчонок, что тянулись сюда, были только руки, и они приезжали в приют в свободное от школы время. Почти каждый привязался к какой-нибудь собаке – привозил ей «вкусненькое», старался с ней погулять. Иным удавалось упротить родителей взять своих любимиц домой. Другие родители стояли насмерть. Ребёнку только и оставалось, что ездить и ездить в приют, и обнимать свою Шанси или Тайсона за лохматую шею, шептать ласковые слова, сглатывать слёзы: «Когда-нибудь я тебя заберу».

Собаки глядели на меня – кто-то равнодушно, не сомневаясь, что я пройду мимо клетки, так чего ж вставать. Другие с надеждой заглядывали в глаза, точь-в-точь детдомовские дети: «Ты не за мной пришла?» У третьих на мордах читалось: «Я знаю, ты меня не возьмёшь, но хоть подойди на минуточку... Мы же не можем подойти к тебе – решётка... Дай обнюхать, почешу за ухом, погладь... Может, у тебя спрятано что-то вкусное в кармане? Эти минуты – самое лучшее, что у нас есть... Подойди же, не бойся»

Одна из собак, чёрная, пушистая, протянула лапы, уже тронутые сединой сквозь решётку, и обняла мою ногу. Я не выдержала, присела перед ней, обняла её морду, и она стала слизывать у меня с лица слезы... Горячим, торопливым языком... Что было за её душой, какая история?

Каринка о каждой псине говорила, пока мы шли: «Эту привязали и бросили замерзать у „Магнита“, этого нашли живым скелетом в лесополосе, были сломаны рёбра, избит... бегал за машинами...»

Но эта вот чёрная собака всё прощала людям, она уже любила меня, и хотела утешить...

Я пошла к костру, вытирая глаза. Слёзы бежали неудержимо. Карина только взглянула на меня. Она по-прежнему была в маске и всего её лица я не видела, но что-то пробежало между нами... какая-то искра... Я поняла, что прошла «крещение»...

30 декабря мы с одноклассниками должны были отмечать Новый год. В недалёкой от нас деревне есть «Крестьянское подворье». Можно снять стилизованный под старину дом. Наши это и сделали. Там красиво. Снег белейший. Горы укрыты толстым снежным покрывалом. Один раз даже сошла лавина, и снесла чей-то сарай. Но больше таких ужасов не приключалось, и на склоне той горы теперь стоит огромный позолоченный крест. На улицах снег тоже бело-снежный, точно ковёр матушки Зимы.. Почти все ходят в валенках. Тут и без «подворья» – прошлый век.

И наши выйдут в эти снега ночью, с бенгальскими огнями – сверкающими горячими звёздами, и небо над ними тоже звёздное – от края до края... И будут петь, и что-то кричать, и валять друг друга в снегу, и будет целый безбрежный океан надежд – не на год грядущий, а на юность свою. А потом они вернутся в дом – к горячему чаю, рдеющим углям в камине, дружескому плечу рядом...

Они и меня ждут. Ох, как бы я поехала... Но у меня нет сил. Попросту нет сил... Я лежу у себя в комнате, укутавшись в одеяло, и рядом пригрелся Васька... Я уговорила его смотреть не очередную сагу про вампиров, а «Джейн Эйр», пообещав ужасы про жену мистера Рочестера.

Васька смотрит, а я дремлю. И мне уже всё равно, что приехали наши соседи-сворные и затеяли жарить в саду шашлыки, с визгом и музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.